

Андрей Фролов
Жертвенные львы
Серия «Анклавы»
Серия «Анклавы Вадима Панова»
Серия «Кредит на милосердие», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658395
Жертвенные львы: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51543-1

Аннотация

Знаменитый цикл Вадима Панова «Анклавы» продолжается!

Земля еще не пришла в себя после грандиозного эксперимента, проведенного на Станции «Наукома». Но человечество уже приспособилось к новым условиям существования, приняв жестокие правила игры на выживание...

Правительство Поднебесной бросает все силы на масштабный проект по прокладке к Станции железной дороги. В таежные дебри Сибири движется гигантский рельсоукладчик «Император Шихуанди». Командует им подполковник НОАК Чэнь Юйдяо – жестокая и стремительная как львица. Юный ломщик, известный под ником Листопад, предпринимает хакерскую атаку на компьютерные системы «Императора» и... исчезает. На поиски ломщика отправляется Илья Вебер, нанятый одним из высших чинов Республики Сибирь, загадочным машинистом по имени Терпение...

А между тем до начала операции «Бронзовое зеркало» остаются считанные дни...

Содержание

Истовая вера не выбирает методов	4
Преступление против Родины не бывает ничтожным	10
Проба золота, из которого собрана клетка, точнее определяется изнутри	16
Обворованный вор вряд ли пойдет к судье	23
У хорошего пастуха под рукой всегда послушные псы	28
Сильный росток пробивает даже гранит	34
Умеющий сострадать утраивает свою силу	40
Талантливые личности необычайно многогранны	47
Никому не убежать от собственной тени	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Фролов

Жертвенные львы

*Лишь почитая богов и
Храмы побежденных,
Спасутся победители.*

Эсхил. Агамемнон

*А сын грустит о матери,
а сын грустит о матери,
Ждет сына мать, а сыновей – Земля.
А звезды, тем не менее,
а звезды, тем не менее,
Чуть ближе, но все так же холодны.*

Группа «Земляне», 1982 год

*Хоть совсем не молись,
но не жертвуй без меры,
На дар ждут ответа;
Совсем не коли, чем без меры
закалывать.*

Navamal (Речи Высокого, Старшая Эдда)

Истовая вера не выбирает методов 23 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Десятилетия романтизации сетевых путешествий сотворили образ-клише, по своей мощи граничащий с архетипами древности. Благодаря тоннам электронной бумаги, изведенной журналистами и писателями, большинство пользователей уже давно сравнивало вход во всемирную паутину с нырком в бездонную глубину. В мировой океан Цифры, в толщу неизведанного и таинственного.

Листопад предпочитал личную метафору. Каждый раз входя в Сеть, он представлял себя капитаном-одиночкой, оседлавшим легкий скоростной буер – изящный парусник для катания по ледяным пустошам.

Коньки его воображаемой лодки были мощной техникой, купленной на деньги обеспеченного брата. Штурвалом – интуиция Листопада, еще в ребячестве проявившего недюжинные способности машиниста. А парусом, набиравшим плоть под тугим виртуальным ветром, являлся талант, сила которого росла с каждым днем. Без усталости и заботы мчался этот буер по молчаливым белоснежным просторам сетевого мира, останавливаясь там, где Листопад считал нужным начать бурение льда.

Сейчас стреловидная яхта снова звала на борт. В особенное, полное надежд и обещаний странствие, во многом определяющее дальнейшую судьбу Листопада. Пропустить этот рейс юноша просто не имел права...

Умывшись холодной, пропахшей хлором водой, он вернулся в комнату. На ходу вытираясь бумажным полотенцем, еще раз осмотрел рабочее место, пытаясь определить, какие мелочи мог упустить.

Вот «раллер», на 60 % собранный его собственными руками. Он, бесспорно, не гравер, но кое на что оказался способен. Комплектующие куплены в разных местах планеты, электронные метки плат и сетевых карт уничтожены, чтобы службы сетевой безопасности не смогли вычислить не только местонахождение ломщика, но и биографию «железа».

Вот пара литров газированной воды в пластиковой бутылке, вот банка с мощным энергетическим напитком, вот суррогатный шоколад и запаянный в фольгу бутерброд из закусочной в подвале. Никаких дополнительных стимуляторов, например, варки *динамита*, от которого могут закипеть мозги. Не говоря уже о пресловутом «синдине», применение которого Листопад откровенно презирал. Современный ломщик работает чисто, без химии, добываясь всего при помощи гибкого ума и все той же интуиции, высокомерно насмехаясь над фальшивым могуществом «тритонов»...

Удобный офисный стул отрегулирован так, чтобы спина и зад не устали, даже если операция затянется. Батареи бесперебойного источника энергии заряжены на 100 %, так что молодому человеку не помешают даже возможные отключения электричества, до сих пор происходящие в городе. Шторы задернуты, не пропуская в окно ленивую жару августовского вечера, кондиционер работает исправно.

Увесистый оловянный солдатик – его счастливый амулет, водружен на законное место – перед тремя широкополосными дисплеями. Два настольных вентилятора нацелены на кресло, подкрепляя выдуманные ощущения мерзлого ветра пустошей, бьющего в лицо отважного сетевого путешественника.

Все готово, он не упустил ничего.

Усевшись за стол, Листопад вынул из-за ворота футболки серебристый кулон. Свет потолочной лампы упал на миниатюрную пластинку с искусным барельефом человечка, сжимавшего цифру 0 в поднятых над головой руках.

Юноша поцеловал образок, опустил на грудь напротив сердца. Отключил «балалайку», заменяя ее на другую – с черного рынка, умело взломанную и разогнанную, о существовании которой не знал даже брат. Время близилось, и уже совсем скоро начнется сдача экзамена, путь к которому был тернист и опасен...

Молодой человек вошел в Сеть, старательно изучив состояние «раллера» и настроек. Запустил все необходимые программы, выходя на стартовые позиции и выставляя первый уровень защиты. Неторопливо, с ленцой. Он не станет спешить, пока не получит сигнала. Через несколько минут он докажет «Мидгарду» не только свою работоспособность, но и умение выжидать.

Вызов пришел точно в назначенный час.

Листопад активировал очередной пакет защитных программ и ответил, даже не взглянув на экран коммуникатора, подключенного к «балалайке».

– Ты готов? – вместо приветствия спросил хриплый мужской голос, обладателя которого Листопад не видел ни разу в жизни.

Каким он был, его сетевой наставник? Умудренным седовласым старцем, пережившим кратковременный триумф нейкистов? Юнцом, сломавшим притяжение «синдина»? Или способным к рукопашной широкоплечим гигантом, прозвище которого избрал? Листопад не знал, да и не задумывался особенно.

Главное – его воспитатель был неотступным сторонником идеологии «Мидгарда», умным и преданным общему делу, а большего юноша не требовал...

– Полностью, – смиренно ответил он, стараясь не выдать охватившего волнения.

В ступни будто закачали жидкого свинца, и Листопад упер ноги в специальную ортопедическую подножку кресла. Постарался изгнать мороз, сковавший спину.

– Жду сигнала к началу.

– Молодец, – скупно похвалил мужчину, которого Сеть знала под именем Порфириона. – Объект выдвинулся в соответствии с расписанием. Наши люди на исходной, можешь подключаться к их «балалайкам», вот адреса каналов.

Пальцы Листопада вспорхнули над «раллером», и в то же мгновение на крайнем правом дисплее открылись два окна. Довольно мощные «балалайки» исполнителей Порфириона считывали происходящее через глазные наноэкраны, с легкой задержкой передавая видеопоток на мониторы ломщика.

Сейчас оба бойца ехали в мобиле, за окнами которого раскинулась пасторальная сельская глубинка, пышущая зеленью. Водитель курил, картинка слегка мутнела от струй дыма.

– Соберись, Листопад, – хмуро приказал наставник, – следующего шанса может не представиться долго...

Юноша не ответил, сосредоточившись на работе.

Он и без лишних нотаций представлял, сколь удачно расписание и маршрут «товарняка» совпали с возможностями «Мидгарда», наконец получившего контроль над орбитальным спутником. Вообще, ломщику было бы комфортнее, если бы Порфирион не нависал над виртуальным плечом, лично контролируя операцию. Но просить воспитателя удалиться или замолчать, конечно же, не смел.

Изображение на правом дисплее сменилось. Мобиль остановился, и оба исполнителя вышли наружу, неспешно осматриваясь.

Информация поступала без звука, но Листопад ясно представил себе, как мягко хлопнули дверцы машины или хрустит под ногами галька сельской дороги. В действительности рабочую комнату ломщика наполняли лишь гул вентиляторов и липкое цоканье клавиш. Однако всесильная Сеть перенесла его сознание на тысячи километров на запад, позволяя докурить сигарету под полуденным солнцем Европы.

Листопад на ощупь взял со стола открытую бутылку с газировкой, смочил пересохшие губы. Наблюдать за исполнителями, одновременно выстраивая защиту канала и контролируя приближение объекта, было непросто. Легкая футболка намочила под мышками, не помогали даже направленные в лицо прохладные воздушные струи.

Исполнители Порфириона двинулись от мобиля. Их глазами молодой машинист рассмотрел белеющую вдали бетонную ленту «суперсобачьей» трассы, по которой приближался объект. Затем увидел башенку, к которой шагали бойцы, и сделал еще один глоток теплого напитка.

Бетонная вышка, какими усеяны обочины европейских магистралей для транспорта на электромагнитных подушках, медленно надвигалась. Казалось бы, сооружение не представляло собой ничего особенного – обыкновенный пост смотрителя, на «птичьих правах» подключенный к единой транспортной сети Европейского союза. Но именно благодаря таланту Листопада сейчас эта светло-серая четырехметровая башня превратится в оружие «Мидгарда»...

Один из бойцов подплыл к ограде из железной сетки, которой была обнесена вышка. Мощным импульсом отмычки сжег электронный замок, без промедления толкнул калитку. Широким шагом оба достигли входа в бетонную вышку.

Тот, что курил за рулем, остался снаружи, продолжая осматриваться. В руках второго, будто в популярной виртуальной игре, Листопад увидел «дыродел». Оружие поднесли к лицу, затвор приоткрылся, демонстрируя уже досланный в ствол патрон.

Когда в отмычке накопился новый заряд, исполнитель с пистолетом приставил ее к дверному замку, после чего по изображению пробежала вторая помеха. Все происходило в полной тишине, околдовавшей Листопада, заворожившей его и сковавшей мышцы.

Разумеется, он понимал, что нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. И все равно не мог равнодушно наблюдать, как его товарищи по вере собираются вскрывать скорлупу...

Человек Порфириона без лишней суеты вошел в башню. Почти не задержавшись на пороге, быстро осмотрел прихожую, открытую дверь в кухонный закуток, быстро поднялся по лестнице на второй этаж – в рабочее сердце диспетчерской.

Европейцы никогда не сажали в наблюдательные башни солдат или профессиональных охранников. Во-первых, трассы «суперсобак» были и без того неплохо защищены от террористических атак или случайных ЧП. А во-вторых, в обязанности смотрителей не входила оборона дорог.

Тем не менее Листопад успел заметить штатную пистолетную кобуру, оттягивающую пояс невысокого пожилого араба, на которого боец Порфириона смотрел сверху вниз.

Возможно, не потянувшись тот с перепуга к оружию, его бы просто выключили.

Но едва пальцы смотрителя легли на мягкий клапан, принявшись расстегивать, перед глазами боевика появился готовый к стрельбе пистолет. Точь-в-точь как в виртуальной игре-шутере, уже помянутой ранее. Неуловимо и бесшумно дернулся затвор, из ствола выполз легкий дымок, блеснула отлетевшая гильза. Агонизирующий мир повсеместного дефицита многих заставил перейти на устаревшее оружие...

Араб в синей униформе, на рубашке которой расплывалось темное пятно, рухнул на спину.

Листопад закусил губу, стараясь успокоиться.

Так *надо*, и ему оставалось уповать, что сторож лишь ранен и сможет вызвать помощь, когда они завершат операцию...

– Подключаем звук, – приказал Порфирион, и юноша вздрогнул.

Завороженный беззвучным убийством старика, он успел забыть, что за происходящим наблюдает тот, кто все это затеял и спланировал. В голосе наставника не слышалось ни капли жалости или вины.

Машинист послушно активировал третий, самый надежный сегмент защиты, подключаясь к аудиоканалу чужой «балалайки».

Тут же стала слышна негромкая арабская музыка из проигрывателя на панели управления, дыхание стрелка, наполненные помехами переговоры других наблюдательных башен.

– Выключить приемник, – тихо распорядился Листопад.

В условиях жесткого дефицита времени это никак не могло стать его первой командой. Но игривые звуки восточных напевов казались такой насмешкой над произошедшим убийством, что его чуть не стошнило прямо на «раллер».

– Выполнять, – продублировал команду наставник, и не подумав упрекнуть юношу. – Рацию тоже выключить...

На этот раз Порфирион говорил на арабском, который для ломщика переводила «балалайка».

– Спасибо, – прошептал Листопад, когда широкая ладонь исполнителя дотянулась до приборной панели, выключая проигрыватель и обрывая шнуры радиостанции. – Опустись под пульт...

Ему подчинились молча и молниеносно, в сторону с грохотом откатился отброшенный стул на колесиках.

– Открой панель, – продолжал инструктировать ломщик, наблюдая за происходящим через чужие глаза. – Слева две задвижки... да, теперь потяни край на себя. Перед тобой четыре шлейфа, видишь?

Боец действовал быстро, исполнительно, время уходило только на перевод команд Листопада на арабский. Стрелок протянул левую руку, поочередно ткнув пальцем в замеченные машинистом провода.

– Да, это они... второй слева шлейф имеет разветвитель, видишь?

Боец кивнул, отчего изображение дернулось, а Листопад недовольно поморщился.

– Головой не трясись, отвечай словами...

– Харашьо, брат, – ответили ему на русском с ужасным акцентом.

– Сейчас ты расцепишь этот блок... стой! У тебя будет всего десять секунд, после чего система пошлет сигнал неисправности в центр управления транспортом... За эти секунды ты должен подключить мой прибор, восстановив целостность контура. Нижний шлейф – в желтое гнездо, верхний – в красное. Ты все понял?

Казалось, исполнитель снова хотел кивнуть, но вовремя сдержался, негромко промычав.

– Приступай! – В разговор снова вмешался Порфирион.

В руках сидящего под пультом бойца оказался небольшой гаджет, разработанный и собранный самим Листопадом. В последний раз тот видел свое детище весной, когда по частям отправлял его в страны Европейского исламского союза по пяти разным адресам. Отметки, нанесенные яркой люминесцентной краской, были хорошо заметны.

Максимально вытянув шлейф из-под пульта, чтобы было удобнее, исполнитель разомкнул провода. Быстро, хоть и не совсем умело, подключил их так, как этого хотел машинист. И замер, шумно выдохнув и выругавшись. Восемь секунд... Они уложились, не вызвав лишних подозрений или интереса транспортного центра.

– Все, теперь ничего не трогай! – Листопад почувствовал, как оцепенение уходит, сменяемое привычной рабочей сосредоточенностью.

Больше не было горечи от убийства невинного человека. Не было сомнений или тревоги. Осталась лишь цель, к которой ломщик пробивался через цифровые массивы. Остались сжавшееся в точку время и необходимость *доказать*. Себе, наставнику, всему «Мидгарду» и глупому населению планеты.

На правый дисплей парень больше не отвлекался, краем глаза заметив, что второй исполнитель вошел внутрь, а его напарник поднялся с колен. Теперь закурили оба, поглядывая в панорамное окно, по периметру обрамлявшее башню.

Персональный буер юноши, выбравшего сетевое прозвище Листопад, поймал цифровой ветер, ринувшись вперед с ужасающей скоростью. Пальцы почти не отрывались от «раллера», в глазах парня замелькали рабочие таблицы и командные строки, заполнявшиеся заранее подготовленными формулами. Спутник «Наукома», чьими услугами они нагло и незаконно пользовались, покорно заливал в транспортную сеть потоки зашифрованных данных.

Не дожидаясь завершения всех почтовых операций, ломщик начал удаленную установку программ, разработанных им специально для «Мидгарда». Каждой клеточкой кожи он ощущал, с каким напряжением наблюдает за ним сейчас Порфирион, оценивая и подмечая любую мелочь.

Первые пакеты распаковались, мгновенно внедрившись в систему польского отделения транспортной сети Союза. Специальные ключи открывали замурованные до поры двери, и уже через несколько минут Листопад смог получить доступ к необходимым ему массивам.

Объект, как и было рассчитано, уже приближался к зоне проведения операции. Загрузив в центральный процессор выбранного локомотива еще одну программу, которой мог

откровенно гордиться, юноша улучил секунду, чтобы смахнуть с бровей пот и сделать еще один глоток сладкой воды.

– У меня все готово, – сообщил он Порфириону, не узнав собственный голос.

– Действуй! – без заминки ответил тот.

И тогда Листопад, находящийся в четырех тысячах километров от места проведения операции, активировал сразу все программы для атаки на транспортную сеть.

Через долю секунды грузовая «суперсобака», следовавшая по курсу Анклав Москва – Мюнхен, сошла с ума. Пилоты, находящиеся в кабине локомотива, еще какое-то время пытались вернуть управление, но почти сразу убедились, что обречены.

Через несколько минут состав резко увеличил скорость, доведя ее до критической. Сделал он это на избранном «Мидгардом» отрезке трассы, где высокое бетонное ограждение до сих пор не восстановили после Инцидента. Практически в то же мгновение из строя вышло большинство элементов системы экстренного торможения. После этого направленный электромагнитный импульс привел к взрыву сразу несколько подушек под передними вагонами, сорвав «собаку» с трассы.

Пьяной змеей цепь вагонов скользнула по сочно-зеленому склону холма, сминая столбы электропередачи и ограждения сельскохозяйственных угодий. Скомкалась, с лязгом и серией взрывов превратилась в мешанину из платформ и цистерн, а затем начала замедляться, в агонии пропав в плодородном европейском черноземе не один десяток саженей.

Системы пожаротушения, перепрограммированные ломщиком, не сработали, превратив «товарняк» в ярко полыхающий костер ценой в миллионы евродинов.

– Операция окончена, – хрипло скомандовал Порфирион, – поздравляю с удачным исходом. Зачистить объект.

Переведя взгляд на правый дисплей, молодой ломщик заметил, что оба исполнителя крепят к стенам и пульту управления небольшие термические заряды. Даже если пожилой араб выжил под поцелуем «дыродела», шансов уцелеть у него не оставалось.

Как и у всех, кто стал врагом Геоса.

Как и у всех, кто должен погибнуть, пока «Мидгард» не одержит победу, доказав всему миру, какую ошибку тот совершает...

Потому что «суперсобака», еще десять минут назад летевшая из московского Шарика, направлялась в крупнейшие научно-исследовательские центры европейских корпораций. Ее отправной точкой был вовсе не русский Анклав – почти двенадцать часов назад она стартовала с севера, с Кольского полуострова, загрузившись прямо на складах знаменитой Станции.

«Суперсобака» везла баварским ученым образцы грунта, воздуха, газов и минералов, добытых в чужих мирах. А это значило, что в войне с «Мидгардом» она стала врагом, которого уничтожили без сомнений или жалости.

Порфирион отдал последние приказы, после чего каналы связи оборвались, оставив Листопада в почти полной тишине. Стало слышно, как мерно гудят вентиляторы, а еще машинист тут же почувствовал, как нагрелась «балалайка» в затылке и «раллер» под пальцами.

Какое-то время он сидел неподвижно, а затем припал к горлышку бутылки, опустошив ее до дна. В несколько широких укусов, почти не жуя, проглотил бутерброд.

Встал, затравленным взглядом осмотрел комнату и принялся отключать оборудование.

Настало время заметать следы...

Преступление против Родины не бывает ничтожным 22 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Музыка обрушивалась высоченными девятибалльными волнами, мягкими, но беспощадными. Мощная акустическая система, спрятанная в стенах и потолке спальни, в самых ничтожных мелочах передавала звучание старинных инструментов. Настолько, что иногда подполковнику казалось, будто в комнате присутствует самый настоящий оркестр цо-пучи, исполняющий придворную музыку.

Загадочно постанывали под щипками пальцев струны цитры. Поток гармонии и все-ленского порядка в мелодию вплетались трели древних флейт и свирелей пайсяо. Перекалились бронзовые колокольчики, негромко и гулко стучали многочисленные барабаны.

Не открывая глаз, подполковник Юйдяо протянула правую руку, забирая с журнального столика высокий стакан с ароматным зеленым чаем. Сделала большой глоток, улыбаясь от удовольствия. Как наполняет струя пустой сосуд, покой и умиротворение наполняли душу женщины. Жаль, что эйфория продлится недолго, вытесненная рутинной служебных обязанностей...

Конечно, для достижения более длительного эффекта церемонию чаепития следовало провести в соответствии со старинными традициями. Но сделать это не позволяла жесткая нехватка времени. А также отсутствие семьи – неизменного спутника всех чаепитий великой страны.

Однако целебный напиток, так или иначе, оставался одной из «семи первооснов, потребных человеку каждый день». А потому Юйдяо готовила его упрощенно, без длительных ожиданий, промывки заварки и многократных настоев.

Инструментальная композиция закончилась, ей на смену пришла другая, куда более агрессивная и строгая. Подполковник немедленно открыла светло-карие глаза, хищно прищуриваясь в ответ на грохот боевых барабанов. Теперь просторную спальню наполняли не задумчивые и преисполненные гибкости старинные ритмы, а настоящий армейский марш.

Именно такой музыкой Чэнь Юйдяо завершала скоротечные полчаса полуденного отдыха, выделяемые себе на воссоздание гармонии с окружающим миром. Иногда, хоть и нечасто, настроение менялось, и тогда на смену народным мотивам приходила патриотическая песня начала XX века.

Эти гимны, исполняемые симфоническими оркестрами прошлого, напоминали подполковнику о смутных временах, когда Поднебесная была слаба. Когда стонала под сапогами японских интервентов, собирая силы перед могучим тигриным рывком, в результате которого какие-то жалкие сто лет вернули Китаю славу самой могучей державы мира.

Не дожидаясь, пока мелодия стихнет, подполковник поднялась из удобного кресла. Оказалась на ногах одним плавным движением, грациозным и стремительным. Большим глотком допила чай, вернула стакан на столик. Повернувшись к зеркалу на стене, придиричиво осмотрела сидящий в обтяжку мундир, поправила короткие волосы, отливавшие густой бронзой.

Скуластое лицо женщины не выражало никаких эмоций, прямой рот казался нарисованным бледно-розовым карандашом, едва различимый макияж был нанесен расчетливо и тактично. Какие бы чувства или волнения ни царили в душе подполковника, более чем двух-

тысячный комплекс должен видеть только это лицо – бесстрастное и строгое, как законы Поднебесной.

Приказ, отданный Чэнь в «балалайку», был мгновенно сброшен в акустическую систему, прервав военный марш на оглушительном ударе целого десятка литавр. Аккуратно натянув на бронзовую копну фуражку со сверкающей кокардой НОАК, Юйдяо вышла из спальни.

Без привычной вибрации под ногами она чувствовала себя неуютно. Будто титаническое металло-титапластовое чудовище, в чьих недрах они поселились, внезапно умерло, так и не объявив виновного в своей гибели.

Взявшись за дверную ручку, подполковник заставила себя отбросить лишние мысли, в особенности – столь метафорического характера. Разумеется, чудовище живо, просто вздремнуло на сутки, выслав вперед мобильные буровые модули. Совсем скоро его путь продолжится, и тогда металлический пол, покрытый бледно-желтыми циновками, снова завибрирует под ногами, создавая ощущение легкой корабельной качки.

Чэнь вышла из жилых апартаментов, прислушалась, как электронный замок запирает дверь. Двинулась по пустому коридору, выкрашенному в скудные светло-зеленые цвета, попала в прохладный холл. Миновав лифты, четким строевым шагом пересекла казармы младших офицеров, привычно читая таблички с фамилиями, украшавшие ряды однообразных келий.

По дороге к лестнице подполковнику не встретился никто. Во-первых, получившие увольнительную подчиненные предпочитали проводить свободное время в барах на нижних уровнях комплекса. Во-вторых, дневное расписание подполковника было хорошо известно всему гарнизону, а лишней встречей с Чэнь Юйдяо мог грезить только умалишенный.

Подполковник позволила себе быструю кривую улыбку.

Она была прекрасно информирована о своей репутации среди подчиненных. И о придуманном ими жутком прозвище – тоже. Пусть.

Там, где царит страх, властвует и подчинение. Беспрекословное, молчаливое, покорное. Именно этого Юйдяо и требовала от вверенного ей гарнизона, не мешая распространению самых ужасных слухов о себе.

По узкой металлической лестнице подполковник взбежала легким пружинистым шагом, никак не вязавшимся с ее сорокалетним возрастом. Поднявшись на три этажа, на секунду замерла перед дверью, переводя дыхание. Одернула полы кителя и поясную кобуру с длинноствольным «Тип-QSZ-068», вошла.

Секретари, посыльные и офицеры связи, встреченные в коридорах оперативного командного центра, тут же распрямляли плечи, дробно щелкая каблуками ботинок и залихватски отдавая подполковнику честь. Она осмотрела каждого – быстро, внимательно, но не задержавшись ни на одном из восьми напряженных лиц.

Приложив ладонь к блестящему козырьку фуражки, Юйдяо прошла мимо застывших подчиненных, толкая вбок раздвижную дверь личного кабинета.

В приемной, как обычно, возвращения старшего офицера дожидался старший лейтенант Ху, которого сослуживцы да и сама подполковник чаще именовали прозвищем Болло. Адъютант вытянулся в струну, едва в коридоре стихли разговоры, и продолжал держать стойку, пока Чэнь не взмахнула белыми перчатками, зажатыми в левой руке.

Секретарь-машинистка, червем психопривода подключенная к внутренней сети комбайна, не шелохнулась и на старшего по званию даже не взглянула – в свое время Юйдяо лично одарила ее соответствующим приказом, чтобы не отрываться от работы.

– Докладывайте, товарищ старший лейтенант, – негромким глубоким голосом приказала Чэнь, проходя за рабочий стол-дисплей у дальней стены.

Так же как жилые помещения коменданта, кабинет имел настоящее окно, сейчас наполовину прикрытое легкими жалюзи из искусственного бамбука. За пуленепробиваемым стеклом можно было разглядеть крутобокий склон горы, редко усеянный уцелевшими в Перерождении соснами и кедрами – с высоты семнадцатизэтажного дома открывался величественный, в полной мере панорамный вид.

Августовский полдень набирал силу, и при должном уровне фантазии можно было вообразить даже приятный теплый ветер, беззаботно ласкающий раскидистую цепь кряжей. Кряжей, которые им еще предстояло перепахать, подобно тому, как буйвол взрыхляет плодородное поле...

Женщина отложила головной убор на стеклянный край стола, раздвинула на затылке густые бронзовые волосы, нащупала разъем «балалайки» и подключилась к системам комплекса. Внутри прозрачной, похожей на омут столешницы-экрана перед подполковником побежали оперативные данные о состоянии комбайна.

Но текущие дела Чэнь просматривала вполглаза, не спуская проницательного взгляда с верного лейтенанта Ху.

Адъютант плотно задвинул створку на место, уместил фуражку на сгибе локтя. Как всегда наедине с хозяйкой, Болло сбросил с плеч наигранное солдафонское напряжение, без приглашения опускаясь на стул напротив Юйдяо.

– Немедленного рассмотрения требуют два вопроса, товарищ подполковник.

Лейтенант был невысоким, плотно сбитым мужчиной, в перспективе склонным к полноте, и его низкий голос только дополнял картину угрюмого крепыша.

– Сегодня в 6.40 патруль внешнего периметра задержал двух нарушителей границы. Мы не можем точно определить, каким образом нарушителям удалось преодолеть буфер милитаризованной зоны, но эти двое русских почти добрались до комплекса...

– Сибирияков, – негромко поправила адъютанта Юйдяо. – Теперь, Болло, правильное говорить о наших соседях именно так.

– Так точно, товарищ подполковник, – без заминки продолжил помощник, едва заметно склонив голову. – Судя по предварительному допросу и опознанию, задержанные являются обыкновенными крестьянами из числа недовольных строительством «Звездного Пути». Никакого специального оборудования или оружия у них обнаружить не удалось. «Балалайки» и разъемы отсутствуют, и только у одного найден имплантированный чип слежения, применяемый на территории России. Чип неисправен. Ведут себя агрессивно, на вопросы отвечать отказываются, позволяют высказывания националистического характера.

– Ясно, – сухо отрезала Юйдяо, скользящими движениями пальцев по стеклу стола отбрасывая в сторону изученные электронные документы. – Депортировать нарушителей на территорию Сибирской Республики, сдать на руки пограничным частям Сибирского казачьего войска. Насилия не применять, оформить протокол по всем правилам.

– Будет исполнено, товарищ подполковник. Второй вопрос касается нарушения внутренней безопасности комбайна. – Болло на мгновение замолчал, сортируя файлы «балалайки», выводимые на напыленный глазной экран. – Сегодня в 8.15 в складской зоне № 115 задержаны трое рабочих станции, пойманные с поличным при краже съестных припасов. Мы выясняем, каким образом им удалось проникнуть на склады.

– Украдена коробка рисовых галет весом в восемь цзиней, – констатировала Чэнь Юйдяо, бегло просматривая поступивший от адъютанта файл. – Сопротивления при задержании нарушители не оказали.

– Так точно, товарищ подполковник. Задержанные дожидаются вашего решения. – Болло замялся, и Юйдяо тотчас насторожилась, будто лисица, учуявшая свежую кровь. – Я посчитал, что вы захотите лично провести допрос.

Ну конечно.

Верный Болло, с одинаковым рвением вычисляющий врагов Поднебесной и выискивающий своему подполковнику новые игрушки. Один из немногих людей на комбайне, посвященный в секреты ее безобидного хобби. Значит, старший лейтенант Ху уверен, что кто-то из задержанных сможет заинтересовать начальницу?

– Доставь задержанных в Перламутровую комнату. – Она отстегнула от затылка шнур психопривода, поднимаясь из-за стола.

Болло предупредительно оказался на ногах мгновением раньше старшего офицера. Отрывисто кивнул, отдал ряд распоряжений в закрепленный на петлице интерком.

Надев фуражку, Чэнь поправила бронзовые локоны, подходя к неприметной двери в левой стене. Дождалась, пока адъютант подаст знак, подтверждая готовность, и сдвинула обшитую пластиком створку.

Свое название Перламутровая комната получила не просто так.

Серебристые переливающиеся стены создавали иллюзию пространства, не имеющего границ. Перламутром же были окрашены потолок и пол, а также немногочисленная мебель – длинный узкий стол, два стула и высокий шкаф в углу. Окон помещение для допросов не имело, но после спартанской обстановки рабочего кабинета даже это не подтачивало величие сверкающего и мерцающего помещения.

Болло успел выдать все необходимые распоряжения, и теперь у дальней стены рядом стояли трое мужчин. Понурые, прячущие лица, одетые в однотипные робы работников каменоломен.

Подполковник неспешно вошла в Перламутровую комнату. Дождалась, пока помощник проскользнет следом, закрывая дверь. И только после этого заняла стул.

Солдаты, конвоирующие нарушителей закона, успели ретироваться, но Юйдяо знала, что сейчас не одна пара глаз зорко наблюдает за происходящим через спрятанные в стенах камеры. Впрочем, в случае непредвиденной ситуации подполковник легко могла постоять за себя сама, даже не прибегая к помощи пистолета.

Какое-то время Чэнь молча рассматривала задержанных. Она хорошо представляла себе, что сейчас происходит в их низких пыльных душонках. Какие страсти и страхи разрывают сейчас мужчин, покусившихся на государственное добро, предназначенное для тех, кто строит ее родному народу дорогу в новый мир.

Двое были откровенными заморышами. Жилистые, невысокие, какими становятся все, кто много лет возится с отработанной горной породой. Крайним справа стоял почти старик: свалывшиеся поредевшие волосенки, тонкие усы, помеченные сединой. В центре находилась более молодая версия пожилого китайца – пройдут годы, и если дитя комбайна не сменит род деятельности, превратится в живую копию. Только волосы погуще, их еще не успело высветлить, погрызть и высушить время, да в плечах чувствуется чуть больше силы.

А вот третий субъект, переминавшийся слева, вызвал у Юйдяо неподдельный интерес. Теперь она понимала, зачем Болло привел троицу на личный допрос. Да, определенно, любопытный паренек.

Лет двадцати пяти, вряд ли больше. Широкоплечий, статный, высокий, с густо-черной копной. Вероятно, прибыл в комплекс не так давно, потому что изнурительные нагрузки еще не успели подкосить его богатырскую статью.

Не торопясь начинать разговор, подполковник взглядом ощупывала заключенного, отмечая великолепно развитую мускулатуру, крепкие кисти, толстую шею. Отличный жеребец, такие попадаются нечасто...

– Почему вы здесь, товарищи? – внезапно и звонко спросила она, заметив, как вздрогнули все трое.

Вопрос этот, иногда звучавший под перламутровыми сводами несколько раз за день, был отрепетирован Чэнь так добротнo, что неуютно шевельнулся даже старший лейтенант Ху.

– Молчите?! Я отвечу за вас...

Юйдяо поднялась со стула, небрежно бросила фуражку на стол. Бросила так, чтобы кокарда оказалась повернутой к заключенным, смотревшим вниз. Легким движением оправив волосы, комендант заложила руки за спину и неожиданно, совсем не по-женски, хрустнула шеей.

– Вы нарушили закон! – рявкнула она так, что стоявший справа старик пошатнулся. – Посягнули на собственность Поднебесной, наплевав на правила! В древнем прошлом нашей великой державы за подобное вы бы лишились носов или глаз. С детства крадет иголки, станет взрослым – украдет золото... Так говорили предки, а они были мудры. Что будет с вами, товарищи, дальше? Сегодня украл, завтра – убил, послезавтра предал страну?!

Она неспешно обогнула стол, прохаживаясь вдоль незадачливой троицы. От заключенных несло потом, пылью и страхом. Диким, достигшим пика, за которым слабые рассудком падают в бездонную пропасть безумия.

– Вы трое – проклятые судьбой воры! – Подполковник не кричала, но ее хорошо поставленный командирский голос разлетался среди мерцающих стен эхом церковных колоколов. – Ничтожные личинки, мерзкие опарыши на теле китайского народа. Вы пытались украсть еду не у меня. Не у Председателя. Вы крали ее у родных братьев и сестер, возомнив, что вам можно все!

Она подступила к молодому силачу, жадно вдыхая его резкие дразнящие запахи. Чуть не сбилась с заготовленной речи, но удержала себя в узде. Удержала, предвкушая сладкое и от того заводясь еще сильнее.

– Пока мы работаем, еще не окрепшая после Перерождения республика снабжает нас продовольствием, обделяя собственных детей, матерей и дедов. Но вам этого мало, не так ли?! Вам хочется больше! Вам хочется, чтобы караваны с продовольствием шли непрерывно, и вы могли жировать без меры, обрекая провинции Поднебесной на мучительную смерть от голода?! А быть может, вы хотели продать еду на черном рынке, чтобы потратить деньги на проституток или наркотики?!

Подполковник замолчала, облизнув пересохшие губы. Подавила восстающую из глубины сердца злость, способную помешать ответственной работе. Да, она верила тому, что говорила, и от того слова яростной проповеди били пленников больнее плети.

– Будь моя воля, – с презрением продолжила Чэнь, поочередно осматривая каждого из заключенных, – я бы вас расстреляла. Немедленно. На глазах у сотен. А запись казни выложила во внутреннюю сеть комплекса, чтобы отбить соблазн у тех, кто пойдет по вашим следам!

Старик чуть не упал в обморок, но стоящий в центре вор подхватил его за локоть. Сжался, будто за эту вольность подполковник могла ударить его или даже убить на месте, крепко зажмурился.

– Но ваша казнь запомнится жителям комбайна на неделю, может быть – на две, – процедила Юйдяо, презрительно не обращая внимания на шатающегося старика. – А о том, что справедливое наказание настигнет любого гражданина Поднебесной, помнить нужно всегда! Старший лейтенант Ху!

– Здесь, товарищ подполковник! – Болло щелкнул каблуками высоких армейских ботинок.

– Этим двоим, – мотнула головой Чэнь, – по сорок ударов палкой. Публично. Затем в карцер на две недели, вести прямую трансляцию в сеть комплекса. Этого, – она хищно при-

щурилась, едва удерживаясь, чтобы не схватить свою жертву за блестящие черные пряди, – на дополнительное дознание, отконвоировать лично.

– Будет исполнено, товарищ подполковник! – лихо козырнул адъютант, снимая с пояса мягкие самозатягивающиеся наручники.

Дверь открылась, вошли конвоиры.

Теперь без чувств грозил остаться и второй из заключенных – его так же, как старика, выводили из Перламутровой комнаты под локотки. А вот молодой силач, *избранный* подполковником, казалось, наконец-то сопоставил все, что когда-либо слышал про грозную Чэнь Юйдяо.

Ноги его приросли к полу, плечи окаменели, и старшему лейтенанту Ху пришлось даже нанести пленнику легкий удар пальцами в шею, чтобы заставить того заломить руки.

Зажав заключенному болевой центр на предплечье, Болло повел его к двери, будто стреноженного бычка. Подполковник, надевая фуражку, провожала черноволосого долгим, полным голода взглядом.

Сегодня вечером, когда ее рабочий день подойдет к концу, она вернется в спальню, которую они с Болло называли «помещением дополнительного дознания». И тогда гармония вселенной до самого краешка наполнит душу ее, преисполнив силой.

Проба золота, из которого собрана клетка, точнее определяется изнутри 21 день до начала операции «Бронзовое зеркало»

Умеет гулять казак.

Во все времена умел, что кубанский, что сибирский. Вот и сейчас было видно – всей душой веселятся служивые, искренне, чтобы через край перехлестывало. Человек тридцать кутило, а шум над открытым летним кафе стоял такой, будто собрали целую роту.

С одного края пела гармонь, слышался стройный хор густых мужских голосов. С другого – хвалились удалью молодые урядники, подбрасывая и лоя обнаженные шашки. Стальные клинки агрессивно сверкали под яркими лампами, освещавшими кафе, отчего по глазам били «зайчики».

Отточенные под бритву шашки, конечно, являлись анахронизмом, обязательной частью военной формы Сибирского казачьего войска, и на фоне современного камуфляжа, грозных «коловоротов» или «разгрузок» смотрелись дико. Однако зрелище завораживало именно своей дикарской простотой, напоминая о временах, когда на врага ходили в лихую кавалерийскую атаку.

Вебер задержался на перекрестке, с легкой улыбкой наблюдая за праздником.

Вероятно, там чествовали получение новых чинов – нескольких парней явно держали в центре внимания, постоянно похлопывая по есаульским – без звезд, погонам. Официанты подносили новые бутылки с ледяной водкой, закуски только и успевали обновляться.

Правоверная часть ватаги к алкоголю не прикладывалась, но и смотрели без осуждения. Сейчас таких в СКВ немало, почти половина, на дворе не XIX век, когда мусульманские татары составляли всего процент воинства. Пили кисломолочное или просто холодный чай, на хмельных друзей не обижались, а шумели неподдельно, честно разделяя радость.

Над пластиковыми столами кафе вообще царила атмосфера дружелюбия, а испугаться разгоряченной праздником братии мог только приезжий или плохо знающий казачьи традиции.

Старшины и полковники, негромко обсуждая что-то личное, сидели в стороне, на забавы младших чинов взирая с отцовской теплотой. Только иногда кто-то позволял себе крякнуть с ехидной улыбкой, покручивая ус – в нашу молодость, мол, мы с саблями-то ловчее управлялись. Фуражки с алыми околышами лежали на коленях и столах, воротники были расстегнуты, в пальцах лениво дымились сигареты. Ночной город опутывала летняя духота, влажная и пропахшая свежим глинопластиком.

Новосибирцы, напротив кафе предпочитавшие ускорить шаг, на веселящихся служивых смотрели все же с опаской, настороженно. Полицейские – с умеренным любопытством, тремя небольшими группками патрулируя окрестности. Вели наблюдение, фиксировали каждый шаг, но с замечаниями не лезли. Сегодня «барсам», а в частности – казакам, дозволялось многое, почти как во времена советских революций.

Еще раз оглянувшись на пирушку, Вебер побрел дальше. Вниз и вниз по Красному проспекту, как делал почти каждый вечер. Почти каждый вечер, теплый, душный и тягучий, будто сосновая смола.

При воспоминаниях о лесе Илья машинально потянул носом воздух, не почуяв ничего, кроме обычного городского набора ароматов – бетон, асфальт, пыль и жженая резина мобильных покрышек.

Эх, нужно будет на выходных взять да всей семьей выехать на природу. Пусть совсем недалеко, к Обскому водохранилищу, где берег уже укрепили и риск обрушения минимален. Но хотя бы туда – полной грудью вдохнуть морскую свежесть и запах сочных березовых листьев. Несмотря на то что Вебер считал себя полноценным городским жителем, не так давно готовясь к переезду в шумный Анклав, летний город иногда выматывал до одурения...

Прохожих было немного. Восстанавливающийся после Инцидента город все еще боялся сам себя, расплзаясь по норам с наступлением вечера и освобождая от пешеходов даже самые центровые улицы. Гуляки скоро тоже разбредутся, нечего честным людям в ночи шастать – освещение отключат ровно в полночь.

На душе было тоскливо, но Вебер продолжал тешить себя надеждой, что сегодня обойдется без обычной программы. От программы, *превратившейся в обычную* последние пару недель, если быть точнее. От программы, с которой так не согласна Светка...

Илья остановился напротив старинной мечети, построенной через дорогу от еще более старинного православного храма. Довольно долго, потеряв счет минутам, разглядывал оплоты Традиций, вспоминая увещевания супруги.

Нет, он еще не настолько потерялся в себе, чтобы искать спасения за стенами одного из этих строений. И очень хотел верить, что до такого не дойдет. Уж лучше бутылка «Сокровищ» и тревожный сон, чем исповеди и молитвы...

Отвернувшись от величественных храмов – краснокирпичного и белостенного, с изумрудными куполами, Илья чуть не сбил с ног невысокого старика. Вовремя отшатнулся, избегая прикосновения к пыльной накидке, небрежно отмахнулся. Но тот, как оказалось, совсем не собирался просить милостыню.

Отступив на пару шагов, Вебер убедился, что перед ним один из тех, кого Светка называла «шизами», не позволяя Верочке лишний раз даже смотреть в сторону сумасшедших.

– Думаешь, это конец? – деловито осведомился безумец, будто продолжая прерванный разговор. – Нет, мил человек, это начало конца. Впереди ждет нас суд небесный, и только избранные вознесутся! Мучения многие, на Земле творимые, только испытание последнее, Господом уготованное!

Угораздило же Илью оказаться под стенами собора...

Вебер поморщился, зашагав к арке пешеходного перехода, нависавшей над проспектом. Но старик не отставал, продолжая бормотать, как заведенный. В водянистых глазах его что-то лучилось – что-то неестественное и выдававшее человека, перешагнувшего границу привычной объективной реальности. Нечто, с одинаковой легкостью заставляющее людей орешками щелкать невысказанные теоремы или лепить сказочные башенки из собственного дерьма.

– Первый ангел протрубил, и самое страшное впереди! Кайся, грешник, кайся, ибо нет спасения ни тебе, ни семье твоей, пока...

Вебер резко обернулся на каблуках, и сумасшедший тут же сдал назад. Взглянул на перекошенное лицо мужчины, к которому имел неосторожность обратиться, и поспешно ретировался за церковную ограду. Илья хотел зарычать на «шиза», но тот все понял без слов, как бродячая собака понимает, что сейчас ее будут бить. Или, возможно, убивать.

Выдохнув, Вебер продолжил прогулку, только сейчас обнаружив, как крепко сжал кулаки.

Определенно сверх меры развелось нынче пророков и проповедников, имеющих собственную точку зрения на Инцидент. И хотя спецслужбы Гилярова продолжали тотальные чистки, прижимая «к ногтю» самых громкоголосых, умалишенных не убывало. Секты «Копья Господнего», последователи «Геи», «Звездные колонисты» и многие другие – на вскопанной хаосом почве прорастали тяжелые колосья массового помешательства, и горе тому, кто вкусил их зерен...

Хватало на улицах и субнормалов с их пограничными расстройствами сознания. Утерявшие безграничные блага Сети, они уже четвертый год превращались в беспомощных моральных инвалидов. Официально большинство субнормалов составляли «тритоны», но Вебер встречал в их рядах и бывших знакомых, которых когда-то считал нормальными.

Илья перешел многополосную трехэтажную трассу, через стеклянный потолок пешеходного моста рассматривая самые верхние уровни проспекта. По ним, почти незаметные снизу, с гулом летели редкие мобили «Скорой помощи» и армейские машины.

Часы, расположенные в уголке его глазного наноэкрана, показывали, что до полуночи оставалось полтора часа. Наверное, жена уже уложила Верочку и садится читать книжку. Смотреть в страницы пустым взглядом, дожидаясь его, блуждающего по ночному Новосибирску, как неприкаянная душа бродит по старинному замку.

Конечно, она и сегодня не хотела его отпускать.

Даже купила бутылку хорошего коньяка, который раньше они могли позволить себе только на Новый год. Пусть бы пил, но лишь бы дома. А Илья все равно ушел – ноги сами несли за порог, и заглушить их зов не могли даже Светкины слезы.

Мог ли он считать себя плохим отцом и мужем, если каждый вечер уходил из дома в любимый бар? Вебер продолжал верить, что нет. Он честно отвозил дочь в школу, так же честно забирая ее после обеда. Ходил за покупками, возился по дому, оплачивал счета и баловал жену походами в театр или дорогими обновками.

В принципе, теперь они могли позволить себе даже прислугу или личного водителя, но приняли совместное решение, что делать этого не будут. Богатство определяется не уровнем жизни, а отношением к деньгам. И Илья был очень рад, что их с супругой взгляды на этот вопрос все еще остались одинаковыми. Даже после выполнения его последнего задания. *Последнего...*

На душе было тускло, и теперь Вебер откровенно завидовал казакам, с такой легкостью превратившим обычный вечер в настоящий праздник. На душе было бесцветно. Ее, словно старое зеркало, покрыл слой мертвенно-бледной пыли. Пыли, под которой Илья уже не мог рассмотреть собственного лица.

Деньги, полученные за операцию на «Куэн Као», не принесли радости. Нет, безусловно, семья была довольна, и это стоило пролитой в бою крови. Смогли переехать в отличную квартиру на Речном вокзале, купили мобиль. Вера пошла в отличную школу, где учились дети чиновников Правительства и богатых купцов. Начали делать качественный ремонт, больше не вспоминали про нехватку лекарств или продуктов, обновили гардеробы.

Три месяца назад, оседлав волну вседозволенности, Илья закупил себе кучу гаджетов и оружия, только позже осознав, что ему попросту негде его применять. Теперь обновки казались до обиды лишними, перестали дарить даже оттенки радости, и он запер покупки в одной из многочисленных кладовок...

Вебер неторопливо поднялся на еще один уровень города, заметив впереди знакомые огни «Трех пескарей». Ладно, он заглянет туда, но совсем ненадолго. И, если будет возможность, попробует не напиться...

В последний месяц он все чаще задумывался о том, как живут верхолазы. Миллионеры, например. Или даже миллиардеры. Пытался представить себе существование людей, имеющих *все*. Способных позволить себе любой каприз, любую прихоть, любое желание, несмотря на его мимолетность и бешеную цену.

Себя он к таковым благоразумно не относил – денег, полученных от Колокольчика-Терпение было много, хоть лопатой гребь, но не миллионы. Но и без того Илья считал, что обеспечен. И не только лично – обеспечены его любимая жена и единственная дочь, причем на годы вперед. Обеспечена вся семья.

Но как тогда живут те, у кого этих самых денег в разы больше? Чем дышат они, какие страсти их обуревают? Коллекционирование древностей? Возможно... Путешествия? В современном мире, еще не до конца оправившемся от удара, это было крайне рискованно. Меценатство? Может быть, кто-то находил удовольствие и в этом. Или, воплотив самые сокровенные мечты, машинально продолжаешь ненасытно грезить, планируя без остатка покорить этот продажный мир?..

Сам Вебер, в одно мгновение обретя все, о чем мечтал с момента поступления в московскую СБА, вдруг понял, что попал в тупик. В примитивную ловушку, построенную собственными руками...

Понял, что стал заложником новой машины, квартиры и кучи вещей, накопленных сразу после его возвращения из Тайги. Неужели это на самом деле было все, к чему он стремился, зарабатывая на жизнь тем, что умел делать лучше всего?

Широкоплечий охранник «Трех пескарей» даже не стал сверять его фото с данными «балалайки».

Илью тут знавали давно, еще когда он и сам работал вышибалой. Работал, даже не представляя, какой милосердный фортель совсем скоро подкинет ему судьба...

Этого конкретного мордоворота Вебер не знал, но здоровяк расплылся в приветливой улыбке, протягивая руку. Ничего, друг, когда-нибудь и ты будешь приходить сюда, благосклонно улыбаясь крепышам на входе. Будешь приходить, чтобы за пару часов просадить зарплату среднестатистического каменщика или монтера...

Внутри, как обычно, царили приятный полумрак и красивый дым, выбивавшийся из дверей кальянных комнат. В мягком свете ламп, стилизованных под масляные светильники, виднелись деревянные стены и мебель, выполненная в слегка вычурном стиле. Из динамиков звучала негромкая восточная музыка, ненавязчивая и спокойная – живые концерты в кабаке проводились только по выходным.

Нашествия полчищ посетителей не наблюдалось, но и пустующим заведение не казалось. За столиками и стойкой сидело человек двадцать, часть которых тут же принялась кивать или салютовать Илье. Рассеянно отвечая на приветствия, Вебер торопливо прошел на привычное место. О том, что ему уже искренне рады алкоголики-завсегдатаи, он обязательно задумается, но не сейчас...

Закрывая изящную дверцу кабинета, заметил стайку поднебесников, оккупировавших дальний угол зала. Сидели тесно, сбившись в плотную многоголовую кучку, будто заговорщики. Наверняка нелегалы, переправленные на территорию новой Республики с помощью Триады.

Подумать только – их правительство строит титанический «Синцзи Люйсин», а они продолжают бежать в чужие страны в поисках лучшей доли, как делали их предки сотни лет назад! Хотя эти – вряд ли нелегалы, не того уровня кабак. Скорее сами бандиты...

Включив бра, Вебер опустился на диван, сдвигая меню, пепельницу и стойку с салфетками на край стола. Администратор появился ровно через десять секунд, хоть по «балалайке» засекай – после двух первых визитов Вебера он перестал посылать официантов, обслуживая дорогого гостя лично.

– Привет, Илья!

– И тебе, Алишер, не болеть!

Вебер пожал протянутую руку. Ему нравилось внимание, оказываемое администрацией, и он предпочитал верить, что в этом есть хотя бы треть настоящей симпатии.

– Давай как обычно...

– Графинчик?

– Давай графинчик... – Оценив настроение, Илья пришел к выводу, что еще не готов заказать целую бутылку «Сокровищ Сибири». Пока, во всяком случае... – Грибочки есть? Давай. И рыбки нарезку.

– Считай, уже сделано, – тепло и вежливо улыбнулся администратор. – Сегодня чудесный клюквенный морс завезли, поставить?

– Непременно, – решительно кивнул дорогой гость.

Морс, конечно же, был синтетический, из гадких заменителей, на худой конец – из жмыха. Но Вебер все равно снова вспомнил тайгу, где еще можно было найти настоящую ягоду. Сочную, кислую до сведенных скул, но такую вкусную и полезную...

– Оставь дверку, Алишер, – бросил он в спину исчезающему администратору.

Тот с полупоклоном задержался на пороге, молча фиксируя дверь в личный кабинет и позволяя Илье рассматривать полупустой зал «Пескарей». Несколько мужчин в костюмах вкушали поздний ужин, попивая шербет, остальные посетители исключительно напивались. Как и он сам.

Тесно, очень тесно в кабаке. И в доме тесно – в новой пятикомнатной квартире с видом на величественную реку. Во всем Новосибирске тесно. А ведь он так стремился сюда: и полгода не прошло с тех пор, как готов был все отдать за возвращение в родной угрюмый город, к многоэтажкам и скоростным шоссе...

Расторопный Алишер принес поднос. Аккуратно и быстро выставил перед Вебером запотевший графин с водкой, несколько тарелок, завернутые в салфетку столовые приборы. Плеснул в граненую стопку пятьдесят граммов пахнувшей кедром жидкости, удалившись так же незаметно, как появился.

На «балалайку» пришло сообщение от Светки, но Илья даже не стал открывать. Вместо этого зажмурился, вспомнив лица супруги и дочери, и выпил за своих девочек, мысленно пожелав обеим здоровья. Закусил кусочком рыбы, тут же наливая вторую. Опрокинул еще раз, морщась от крепкой горечи, заел перемазанным в сметане грибом.

– Мы же русские все, – донеслось из зала, – одной кровушки... ну как нам делиться, границы строить?... – подвыпившая компания из четырех человек о чем-то спорила за стойкой на повышенных тонах. – Заборами родство не отгородить, ну скажи, Леха!

Илья налил себе третью, не торопясь пить.

Только тут, опрокинувшего пару стопок и погрузившегося в хмельной гам «Пескарей», его отпускала печаль, державшая за сердце весь день. Только тут образы недавнего прошлого начинали меркнуть, уступая место повседневному хлопотам и заботам. Только тут таял в сознании образ молодой метелки с шикарной светлой косой и паренька, так рано ставшего мужчиной.

Скучал ли он по ним, столь неожиданно появившимся в его жизни и столь же неожиданно ее покинувшим? Да, наверное...

Вебер выпил третью стопку, пожелав Варваре и Митяю найти свое счастье, уберечь спасенных детей и благополучно добраться до... добраться, куда бы они ни шли в эту самую минуту.

– Да ничего вы без нас не сможете! Ни-че-гошеньки! – Один из парней у стойки, кажется, оседлал любимого конька. Дерзкого и опасного конька. – Ну что такое Сибирь без России? Диких татар пристанище? Новая провинция Китая? Да куда ж вы лезете, родненькие?

Язык оратора заплетался, а сам он норовил вот-вот сползти с высокого барного стула. На него косились, но пока молчали. В дверях кухни появился Алишер, озабоченно наблюдающий за громкоголосым посетителем.

Вебер отвернулся, подавив желание закрыть дверь в кабинет. Личное пространство для пьянства создавало иллюзию уединения. Но если запереться тут в одиночестве, он точно накидается так, что Светлана не оценит. Она, впрочем, все равно не оценит...

Неужели ему так не хватает предыдущей работы?

Вот уж дудки... Не для того горбатился на таинственного дядю, не для того сотни километров тайги истоптал, чудом в живых оставшись. Так почему тогда на сердце кошки скребут, а рука к стакану тянется? Илья налил себе, выпил, закусил. Почти машинально налил еще. Водка была хорошая, дорогая, такую он раньше даже в мыслях позволить не мог, а тут глушит, будто водицу родниковую...

А после седьмой мысли спутались.

«Понесли ботинки Витю», вспомнилась Илье очередная присказка отца, а ботинки уже несли «Витю» в зал, где все громче распалялся горлопан.

– Нельзя же так борзеть, ну нельзя! – «Оратор» слез со стула, навалившись на плечи сразу двоих товарищей и грозя стянуть на пол и их. – Все понимаю, волюшки захотелось, но и одуматься срок пришел... У нас без металла заводы стоят, народ в землянках ютится, а вы тут в независимость играете... эх, дурни... вот найдем нового Ермака, приедет он по ваши души, ох, вспомните мои слова...

– А ты сам-то откуда будешь?

Вебер не заметил, как очутился за спиной болтуна, негромко похрустывая костяшками пальцев. Алишер, внимательно наблюдавший со своего поста, головой покачал неодобрительно, но вышибалам дал знак не лезть. Если Илья начинал бузить – а это он делал все чаще и чаще, – то за битую посуду и мебель платил сполна, про моральный ущерб не забывая...

– А?.. Чего?.. – Громкоголосый пьяно развернулся, фокусируя взгляд на Вебере. – Из Ярославля я, а твое какое дело? Знаешь город такой? Древний город... ик... его построили, когда вы тут еще белок руками ловили... Или, может?..

Закончить мысль он не успел, а произошедшее в следующие пару минут Илья помнил обрывками.

Он все-таки ударил нахала.

Может, и несильно, но тому хватило. Потом его друзья вздумали заступаться. Не просто потащили приятеля прочь, а в лицо полезли, кулаками замахали. Вскипело, выплеснулось, рвануло наружу – одного Вебер нокаутировал сразу, еще двоих бил долго, с удовольствием.

Потом его куда-то оттаскивали, бережно держал за плечи встреченный на входе здоровяк, что-то успокоительно нашептывал Алишер. Избитых вежливо выводили из «Пескарей», выдав по целому вороху салфеток зажать кровоточащие носы. Китайцы из своего угла смотрели надменно, будто потешаясь над варварством сибиряков. Остальные аплодировали, поднимая в честь Вебера стаканы и стопки.

Илья хотел выпить еще, пытался заказать новый штоф «Сокровищ», но Алишер не позволил. Аккуратно считал с «балалайки» дорогого буяна необходимую сумму, вызвал извозчика.

– Дело тебе найти нужно, Илья...

Стояли уже на улице, у самого крыльца. Администратор курил, тоскливо осматривая пошатывающегося Вебера.

– А то совсем сопьешься. Дочка потом что скажет?..

Илья хотел ответить, что это не его, в общем-то, собачье дело. И что семью трогать не позволит никому. Но смолчал – внимание постороннего человека оказалось неожиданно приятным и трогательным. Он тут же предложил Алишеру выпить, но тот мягко и решительно отказал.

Мотнул головой на припарковавшийся у «Трех пескарей» мобиль с «шашечками» на борту.

– Езжай, Ильюха, домой, машина оплачена. Поспи. Захочешь, приходи, конечно, тебе всегда рады будем. Но все равно задумайся. Нельзя себя гробить, нельзя.

И он поехал. Потирая разбитые кулаки, раз за разом прокручивая в памяти слова Алишера и на самой границе сна размышляя, что не стоило напиваться перед заданием... Стоп! Перед каким-таким заданием? Нет больше заданий. Нет больше работы. Есть благополучная сытая жизнь городского жителя. А пожелай, и биографию перепишут, хоть в Москву уезжай...

Так его извозчик домой и доставил – разбитого, словно это он в драке проиграл, шатающегося и задумчивого.

Светка, разумеется, плакала.

Обворованный вор вряд ли пойдет к судье 20 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Шахта оказалась значительно теснее, чем он предполагал. Узкое гулкое жерло из оцинкованного железа, будто нацеленный в небеса ствол гигантского орудия. Изначально, еще на стадии изучения планов небоскреба на голографических картах, он планировал, что каждые двадцать футов будет давать себе отдых, упираясь спиной в одну стену и мягкими рифлеными подошвами – в другую.

Реальность оказалась не так комфортна – размеры колодца для сброса грязного белья не позволяли взрослому мужчине упереться в стену даже коленями. А потому переводить дух приходилось, поочередно повисая то на одной, то на другой руке. Излишне говорить, что болтающийся на пояском тросе мешок с амуницией и оружием с каждым таким «привалом» становился все тяжелее...

Но Буньип не имел привычки жаловаться на свою работу.

Поэтому стискивал зубы, старался дышать спокойнее и тише и продолжал лезть вверх, мерно переставляя по гладкой стене вакуумные присоски, за которые держался. Мешок, подвешенный под ногами, увесисто раскачивался. Восемь десятков футов оцинкованной кишки – теснота, темнота и никакой страховки.

Проникать в хозяйственные блоки особняка было куда проще. Никаких тесных лазов, никакого риска сорваться и застрять, предварительно переломав кости. Только вежливые разговоры, демонстрация хороших манер и ломаная «балалайка», открывающая нужные двери. Пробравшись на технические этажи небоскреба на Медоу-Гейт-авеню, Буньип сделал то, что умел, виртуозно.

Перевоплотился.

За короткий срок стал совершенно новым человеком, с новыми привычками, манерой разговора, осанкой и набором жизненных ценностей. Словно хамелеон, в тысячный раз поменял окраску, продолжая забывать, кем является на самом деле.

Сегодня пришел черед превратиться в покорного слугу.

Средний рост, средний вес, короткие темные волосы, широкий лоб, нос с легкой горбинкой – типичный житель Британского Халифата, то ли из турок, то ли из восточных славян. Узнай местные безопасники, что родиной новенького слуги являлась почти утонувшая Австралия, они бы сильно удивились.

Конечно, головорезы Хамада бен Зайеда насторожились. В доме шейха не было принято менять прислугу, особенно в отсутствие хозяина, а все попадавшие в штат проходили строжайшую проверку. Но жилые этажи предстояло экстренно готовить к возвращению господина из Эль-Парижа, а сразу пятеро слуг угодили в больницу с лихорадкой. Ну как назло, иначе и не скажешь, наверняка отравились привозными фруктами...

Поэтому, когда один из заболевших передал начальнику СБ личные рекомендации на своего троюродного кузена, отказываться от помощи было грешно.

Так Буньип попал на два из пяти верхних этажей престижного небоскреба, занимаемых шейхом бен Зайедом. В царство стиральных машин, кухонных комбайнов, гладильных аппаратов и складских помещений. Документы дублера оказались в порядке, доступа в жилую часть апартаментов прислуга его уровня все равно не имела, а потому контроль за новеньким оказался формальным, совершенно не обременительным.

Конечно, без выполнения лакейских обязанностей не обошлось.

Почти весь день, до самого вечера Буньип покорно таскал, застилал, протирал, начищал, поливал и перетаскивал с перерывами на намазы. На кухню приходили все новые и новые коробки с продуктами, требующие стирки шторы и скатерти сыпались непрерывным потоком, гели для чистки стекол заканчивались совершенно нереальными темпами.

И только под вечер, когда всем слугам было выделено по паре часов на отдых, он смог перевести дух, выходя из роли мальчика на побегушках...

Ускользнуть от присмотра старшего слуги, под чье руководство попал, оказалось нетрудно. Точно так же без особенного труда он смог обнаружить балкон, под которым спрятал снаряжение. Сумка с гаджетами и пистолетом была подвешена на тонком прозрачном шнуре, который Буньип еще вчера укрепил под балконом с нижних, менее охраняемых этажей небоскреба.

Скидывая изрядно осточертевшую форму прислуги, хамелеон рассматривал ночной Шеффилд. Отсюда – с верхних этажей высотки, было видно немалую часть юго-западного города, и это даже несмотря на лес многоэтажных жилых гигантов, грамотно расставленных по старинному району Сотхолл.

Всего в километре к западу играло свинцовыми волнами озеро Ротер Вали и шумели по берегам искусственные камыши. Когда-то тут располагался чинный и тихий район милых двухэтажных таун-хаусов, с парком, полями для гольфа и благоустроенным водоемом.

Но ритм современной жизни и рост населения решили по-своему, подменив размеренность окраины на блеск дорогих высоток нового центра. Умеют жить европейские шейхи, нечего сказать – презрев дороговизну земли, они сумели сохранить даже старинные поля для гольфа, хорошо различимые за озером...

Застегнув на горле тончайший комбинезон из черной кевлайкры, Буньип вставил наушник, через который собирался прослушивать радиопереговоры охранников. Наспех взгромоздил на плечи сложную сбрую с амуницией. Пощелкал карабинами, ювелирно подгоняя жилет по телу, и ящеркой проскользнул к пустующим прачечным.

Нырнул в лаз, сжимая в руках вакуумные присоски, активировал на глазных наноэкра-нах режим «сова». И только тут обнаружил, что колодец оказался теснее, чем предполагалось...

Тонкое шипение воздуха, выпущенного на волю из-под присоски. Взмах руки. Мягкий шлепок, когда удобная полусфера всосос целует стенку. И так раз за разом, вверх и вверх, подтягивая восемьдесят килограммов тела, не считая амуниции. Размеренно и плавно, словно не по вертикальной стене карабкался, а создавал карандашный набросок на девственном холсте.

Когда Буньип оказался на необходимой высоте, он зафиксировал сразу обе присоски.

Пробросил через рукоятки трос, закрепив на альпинистских карабинах на груди, и повис, давая отдых гудящим рукам. Вынул из подсумка на животе тонкий щуп видеоискателя, просунул стекловидный шнур в коридор.

Камеры внутреннего наблюдения уже должны барахлить – на поясе Буньипа болталась крохотная коробочка блокиратора, создающего необходимый уровень помех. Значит, пока машинисты шейха не найдут неисправность, на жилых этажах усилят патрулирование. Но как раз к этому австралиец был полностью готов.

Убедившись, что выстеленный ковром коридор пуст, а эфир не разрывают вопли о вторжении, он одним рывком пролез в люк для сброса, перекатываясь на плечо. Еще не успев вытянуть из шахты вещмешок, обнажил пистолет с глушителем, прислушиваясь к окружающей тишине.

Оружие не имело названия, было выполнено по индивидуальным чертежам, но больше всего напоминало модели «дыроделов», применяемых в европейских подразделениях спецназа. Четко рассчитанная балансировка, длина рукоятки, нестандартный боезапас, вес и длина

– все было подогнано под заказчика и его манеру ведения боя. За уменьшенный калибр и почти неощутимую отдачу сам Буньип ласково называл оружие «дыродельчиком».

Свободной рукой выдернув из колодца мешок, он сноровисто набросил ношу на плечи, превращая в рюкзак. На ощупь вынул из-за спины выпуклый диск детектора, вприсядку добрался до угла. Видеоискатель, через «психопривод» подававший информацию прямо на один из глазных экранов, отчитался, что ведущий к лифтам коридор тоже пуст.

Сдвинув в сторону напольную вазу с комнатной пальмой, Буньип прикрепил детектор к стене за растением, включая прибор.

В другом глазу активировалась объемная карта жилых этажей. Бледно-розовая точка в одном из ответвлений – он сам. Изумрудная точка в просторном зале северной части здания – его цель. Прижавшись к одной из стен и выставив пистолет перед собой, Буньип двинулся вперед.

Он не стремился убивать, особенно если не это являлось оговоренным заранее заданием. Однако, если на пути к цели вставало препятствие, австралиец убирал его быстро, умело и без лишних раздумий.

Поэтому, когда из комнаты слева в коридор вышел высокий бородатый араб в черном костюме и с компактной «дрелью» на перевязи, Буньип среагировал мгновенно. Не успел охранник даже заметить чужака, как первая пуля пробила ему горло, а вторая угодила в левый глаз. Стрелять в грудь, защищенную не хуже его собственной, специалист по деликатным поручениям отучил себя давно...

Выстрелы были бесшумны, как шелест глянцевых страниц, но с этой секунды у Буньипа осталось совсем немного времени. Прервавшийся сигнал «балалайки» убитого скоро заставит парней на посту охраны нервничать. А еще через пару минут труп обнаружат, подняв настоящую тревогу. Впрочем, к этому моменту Буньип уже и вовсе планировал покинуть границы Сотхолла...

За гильзы человек-хамелеон не опасался. Как и само оружие или пули, они были изготовлены на заказ и сгорали еще в полете, оставляя после себя бесцветное облачко дыма.

Все еще прижимаясь к стене, он двинулся вперед мелким шагом, держа пистолет точно перед лицом и максимально сгруппировавшись. Еще двоих охранников, вышедших навстречу из каминного зала, расстрелял столь же хладнокровно и метко, как первую жертву.

Парадные гвардейцы, иначе и не назовешь – они были расслаблены и вальяжны, совершенно не ожидая столь дерзкого проникновения в апартаменты шейха и всецело полагаясь на электронику... Один из них все же успел среагировать, вскидывая оружие, но просигнализировать не смог – особенная пуля буравчиком вышла из его затылка, уничтожив «балалайку».

Не успели тела опуститься на ковер коридора, как Буньип уже перепрыгивал через убитых, направляясь к закрытым дверям библиотеки.

В этот момент на этаж и поднялся кто-то из старшей obsługi.

Едва человеческая нога пересекла луч детектора, спрятанного за пальмой, на установленном в подвале крохотное взрывное устройство ушел приказ. Хлопок, наверное, не услышали даже подвальные сторожа, таким неприметным тот был. Однако силы заряда хватило, чтобы вывести из строя систему освещения верхних этажей комплекса, погрузив квартиру шейха в темноту.

В глазах Буньипа все стало таинственно-зеленым, когда режим «сова» послушно отреагировал на изменение освещения.

Он подскочил к дверям, присаживаясь на корточки, но вламываться в библиотеку не спешил. Теперь, когда охрана переполошилась, действовать напролом было рискованно. Поэтому австралиец чуть приоткрыл одну из створок, просовывая внутрь подвижный щуп видеоискателя.

Охранников, застигнутых отключением света в библиотеке, оказалось двое. Не растерялись, включили режимы ночного зрения, «дрели» сняты с предохранителей и наведены на вход и окна. Вот только вход был другим, а совершенно не тем, за которым притаился Буньип.

Торопливо, пока гвардейцы шейха не сменили позицию, он спрятал щуп, вскинул пистолет и мягко проскользнул внутрь. Выстрелил в ближайшего, стоящего боком, но не очень удачно – вместо виска пуля попала в лицо, начисто отрубив породистый турецкий нос. Вторая была точнее, угодив бойцу ровно под скулу и окончательно выведя из строя.

Напарник подстреленного оказался на удивление проворен и быстр.

Еще не успел его окровавленный товарищ завалиться за богатое кресло, как тот уже прыгал за громадный диван, прямо в прыжке открывая ответный огонь. «Дрель» запела пронзительно и тонко, как чудная заморская птица, а дверная коробка справа от Буньипа мгновенно покрылась целой россыпью неаккуратных дыр.

Переместившись в укрытие – за тяжелый бронзовый столик для свечей, – австралиец перевел дух. Противостояние затягивалось, что увеличивало шансы на прибытие подкреплений, а это в планы по проникновению не входило.

Он развернул перед левым зрачком список заготовленных боевых программ, активировал одну. Сигнал «балалайки» поступил на ретранслятор в заплечной ноше, оттуда радиопульс ушел за пределы здания. Через миг на крыше торгового центра на соседней Скул-роуд ожил механический штатив, наведенный на южный фасад жилой высотки.

Две небольшие ракеты, установленные на самодельной рельсе-направляющей, активировали двигатели, рванувшись вперед и вверх. Мощность их была смехотворной, неспособной даже выбить пуленепробиваемые витражи, а основой вообще послужили фейерверки, но Буньип рассчитывал именно на шумовой эффект.

Спустя несколько томительных секунд заряды ударили в балконы и окна южной части апартаментов Хамада бен Зайеда, взорвавшись красочно, с фонтанами искр, цветных огней и гулкой ударной волной.

Едва прогремел взрыв, Буньип пошел в атаку, пригибаясь за витринами, в которых хозяин пентхауса хранил жемчужины коллекции. Атака на южный фасад отвлекла не только стражников, спешащих в библиотеку – она также заставила замешкаться его непосредственного противника, укrywшегося за диваном. Обогнув автоматчика, незваный гость шейха упал на пол, ныряя под новую очередь «дрели», и метко вогнал пулю в лоб араба.

Вскочил, зажмуриваясь – аварийные генераторы включили в квартире свет, неожиданно ударив по глазам, не успевшим среагировать и сменить режим зрения. Перед зрачками еще плавали яркие бесформенные пятнышки, а Буньип уже мчался по длинной просторной комнате, занимавшей весь северный фасад.

Его цель находилась в самом дальнем конце, в обыкновенной витрине, не отличающейся от других, хранящих старинные фолианты или манускрипты. Ах, сколько таинственного и древнего было в коллекции шейха! Но австралийца интересовала одна-единственная вещь, а потому он не удостаивал бесценные сокровища даже коротким взглядом...

Если верить его патрону и заказчику, бен Зайед завладел этой вещью в дни Катаклизма. Ходили даже разговоры, что Хамад принял личное участие в эвакуации Каирского Египетского музея во время наводнений в Северном Египте. Поговаривали, что он трудился, как обычный работник, дважды чуть не погибнув, но раздобыл артефакт, более не унесен из хранилищ музея ничего.

Едва заметив необходимую витрину, Буньип упал на колени, сбрасывая с плеч сумку. Расстегнул боковые карманы, вынимая заряды, метнулся к огромным окнам. Рывком сорвал тяжелые шторы, напрочь отломав гардину, швырнул геологическую взрывчатку на стекло.

Погруженная в желеобразные коконы из клейкой пеномассы, та разом присосалась к гладкой поверхности, активировались встроенные таймеры.

Снова забросив сумку за спину и плотно зафиксировав ремни, Буньип обернулся к витрине. Отлитый из бесценного электрума, украшенный перламутром, ляпис-лазурью и сердоликом, скорпион величественно сверкал под лучами витринных прожекторов. Скорпион Сехмет, нагрудная подвеска эпохи Тутмоса III, лишившая покоя его хозяина в непроницаемой наномаске, – он был перед Буньипом, только протяни руку.

Тот протянул.

Прицелился в угол витрины, нажимая на спуск. И не успело разбитое стекло стечь на пол звенящим водопадом, уже выхватывал артефакт из мягкой подставки, пряча в специальный клапан на груди. Под присмотром камер и патрулей-автоматчиков шейх не увидел смысла в изготовлении непробиваемых витрин или сложных систем блокировки. За что и поплатился...

Грохот выбиваемых библиотечных дверей совпал со взрывом прикрепленных к окну зарядов. Секцию толстого стеклопакета вынесло наружу, разламывая на куски. Ворвавшиеся внутрь гвардейцы попадали на пол. А австралиец уже спрятал оружие в кобуру и бесстрашно прыгал в образовавшийся проем, одновременно натягивая на затылок плотный кевлайкро-вый капюшон.

Конечно, рост жилого здания в центре Шеффилда не мог сравниться с величию корпоративных небоскребов Европы, достигающих почти полторы тысячи футов. Но Буньипу и не требовалась беспредельная высота – пуленепробиваемый комбинезон имел вставки из плотной синтетики, одним движением трансформируясь в вингсьют. Оттолкнувшись от края, Буньип резко бросил себя в ночную летнюю мглу, освещенную неонами и прожекторами рекламных дирижаблей.

Раскинул руки, на прощание услышав за спиной громкую арабскую брань, развернул «крылья» костюма, набирая в них воздух. Сердце привычно защемило, когда заряд адреналина ударил в него с первобытной силой – в независимости от количества сделанных прыжков, австралийцу каждый раз становилось по-настоящему жутко.

Он летел вдоль Медоу-Гейт-авеню, почти незаметный сверху – хамелеоновый камуфляж на спине «белки-летяги» делал ее размытым пятном на фоне строений. Буньип даже улыбнулся, представив себе озадаченных охранников, столпившихся в проломе и бесцельно размахивающих «дрелями».

Улица заканчивалась. Человек-хамелеон проскользнул над крохотным старинным кладбищем Бейтон, повернул налево и рванул кольцо.

Сердце колотилось, будто обезумевшее, в висках пульсировала кровь. Как только купол вышел из сумки, Буньип мгновенно ухватился за стропы, удерживая их от перехлеста.

Пустырь на самом краю кладбища быстро приближался.

Австралиец сгруппировался и почти сразу рухнул на специальный спортивный мат, благоразумно уложенный под кованой оградой за несколько часов до начала операции. Посадочная площадка, от лишних глаз чуть прикопанная и присыпанная пылью, пружинисто приняла прыгуна, избавив от лишних синяков и растяжений.

За несколько секунд Буньип отстегнул стропы, сбрасывая крохотный невесомый парашют. Настороженно осмотревшись, специальными ремешками притянул к бедрам и бицепсам отслужившие «крылья» вингсьюта и бросился к кустам.

Рев мотоциклетного двигателя взрезал тишину над ночным городом, когда обтекаемый болид вырвался на Хай-стрит, стремительно удаляясь на запад Шеффилда. Пилот, облаченный в черный комбинезон с меняющей окрас спиной, улыбался, пряча ничем не примечательное лицо за забралом мотоциклетного шлема.

У хорошего пастуха под рукой всегда послушные псы 19 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Нападай! – скомандовал Кипяток.

И фыркнул, хлопая себя по щекам.

Рядовой «сорокдевятка», сегодня ставший его спарринг-партнером, по-бычьему наклонил голову, бросаясь вперед. С криком, побеждающим страх, разбегаясь через разделяющие бойцов метры, подпрыгивая на последнем шаге.

От удара ногой Квон Пэн, которого кроме прочего называли Кипятком, легко увернулся, подстраховавшись локтем. А потом, пока «сорокдевятка» не успел восстановить равновесие, атаковал двумя ударами рук в голову, и с левой ноги – туда же. Из носа рядового брызнула кровь, но второй хук тот свел, ступню также принял на приподнятое плечо.

Однако Кипяток и не думал останавливаться. Сократив дистанцию, он охватил шею противника ладонями, наклоняя того лицом вниз, и принялся бить коленями. «Сорокдевятка» сжался, сомкнув предплечья в подобии щита, и начал пятиться, но пока успевал блокировать короткие мощные удары, нацеленные в корпус.

Пэн пытался достать его одиннадцать раз, оттеснив к самому краю импровизированного ринга, когда паренек наконец-то вывернулся, ответив молниеносным выстрелом ноги. Теперь щенок не испытывал ни капли страха: каждый «сорок девятый» знал – будешь халтурить в бою с боссом, тебе сломают кисть. А вот если проявишь силу, постаравшись не повредить Большого Брата, твои умения оценят по достоинству...

Поэтому он вновь ринулся в атаку, попробовав дотянуться до Квон Пэна двумя короткими выпадами в горло. От обоих Кипяток увернулся с обычным изяществом, а затем провел два жгучих и быстрых удара в правую почку «сорокдевятки», завершив серию звонким щелчком в ухо. Рядовой зажмурился от боли, наугад рубанул с левой руки, но босс уже разорвал дистанцию.

Переместился чуть в сторону, размашисто ударил ступней в левую голень, заставляя противника почти упасть на колено. Сразу, даже не замахиываясь для новой атаки, обрушил вскинутую ногу на шею «сорокдевятки». А потом опять навалился всем телом, повторно хватая за шею и целя коленями в живот.

Многочисленные зрители поединка, среди которых преобладали такие же «сорок девятые» номера, одобрительно зашумели, кто-то захлопал в ладоши. Пэн не обратил на аплодисменты внимания. Его оппонент еще был силен и полон решимости дать отпор.

Вместо того чтобы сбивать колени, летящие в корпус, теперь тот ринулся вперед, заставив босса попятиться на несколько шагов. И почти сбил захват с шеи, когда невольно открылся.

Таких ошибок Квон Пэн своим воинам не прощал и мгновенно наказал невнимательность «сорокдевятки», проведя коленом отличный удар в его опущенное лицо. Солдат отшатнулся, покачнулся, утер брызнувшую на подбородок кровь, скривился и зарычал.

Несколько секунд они танцевали друг напротив друга, прицеливаясь и готовя атаки. Лицо рядового было искажено от боевой ярости, Кипяток оставался внешне спокоен – лишь горели диким пламенем миндалевидные глаза.

Первым не выдержал «сорок девятый».

Бросился вперед, проведя несколько обманных выпадов, но получил джеб в челюсть. Пытаясь закрепить преимущество, Пэн начал осыпать его градом ударов со всех сторон, руки босса мелькали с немыслимой скоростью. Большинство атак рядовой свел или сблочкировал, но теперь ему приходилось только обороняться, без малейшего шанса начать контратаку. Ухо его опухло, кожа на скуле лопнула, один зуб треснул.

Пэн продолжал запутывать противника, лупя руками со всех сторон и больше не пытаясь достать ногой. Дождался, пока «сорокдевятка» откроется и провел рискованный свинг в левую щеку, вложив в атаку всю массу и скорость. Попал, причем очень ладно!

Паренька повело вправо, глаза его затуманились, а Кипяток зафиксировал преимущество быстрой серией хуков. После третьего солдата откинуло еще дальше, ноги подкосились, и тогда босс пошел в последнее нападение. Бросился в пояс, змеей проскальзывая за спину спарринг-партнера. Охватил обеими руками за корпус, распрямил согнутые колени и резко выгнулся на «мостик», бросая противника через голову.

Рухнули грузно и громко, чем вызвали новую волну одобрительных возгласов и хлопков. «Сорок девятый» приземлился на шею и правое плечо, чудом избежав соприкосновения затылка с железным полом. Квон Пэн сразу отступил на короткий шаг, оценивая его состояние, парень пытался встать, держась за поврежденную шею, но сдаваться еще явно не собирался.

Шишно улыбнувшись, босс снова бросился на него, теперь подхватив под бедра. Рванул на себя, опрокидывая на спину. Прыжком оседлал и что есть мощи начал стегать сверху вниз, уже не особенно следя за техникой. Ярость и азарт, когда-то подарившие ему недоброе прозвище, полностью утопили разум в багровой дымке, и босса больше не тревожило, останется ли «сорокдевятка» цел...

Прежде чем со всех сторон к бойцам кинулись зрители, Кипяток успел нанести противнику десять, а то и целую дюжину ударов в лицо, грудь и живот. Сначала поверженный пытался прикрываться локтями, но затем ослаб и после очередного выпада потерял сознание, безвольно снося побои.

Затем босса окружили.

Крепко, но бережно подхватили, повисли со всех сторон, принялись оттаскивать и что-то кричать. Кипяток рычал, пытаясь вырваться и добить жертву, но его волокли прочь, все дальше и дальше от бесчувственного тела, булькающего кровью. Прижали к полу, брызнули в лицо чем-то ледяным, взяли в добротный захват. И благоразумно держали до тех пор, пока рассудок не начал возвращаться к Квон Пэну.

– Хватит! – пересохшими губами повелел тот. Глазами вращал все еще дико, но выскользнуть или вернуться в драку уже не пытался. – Отпустите, я сказал... все нормально...

Его аккуратно подняли на ноги, с поклоном протянули бутылку минеральной воды и полотенце. Расступились, с опаской поглядывая, миновал ли боевой припадок.

Фыркнув и помотав головой, Кипяток вылил полбутылки на запрокинутое лицо, остальное выпил. Небрежно вытерся, чувствуя, что пара ударов противника все же достигла цели, разбив ему губу и нос.

– Как он там?

Вопрос босса был брошен худощавому, но жилистому Цзи – одному из инфорсеров, в сложной системе «Союза Земли, Небес и Человека» имевших общий номер 426. Тот опустил на корточки рядом с побежденным, наблюдая, как другие «сорокдевятки» пытаются привести собрата в чувства.

– Жив, Большой Брат, – почтительно кивнул Цзи снизу вверх, поднимаясь на ноги. – Ты одержал славную победу, прими мои поздравления!

– Отнесите его в медицинский блок, – распорядился Пэн, стягивая мокрую от пота и минералки спортивную майку и обнажая трехмерные цветные татуировки на руках и груди. – Когда придет в себя, я снова хочу видеть этого «сорок девятого».

– Будет исполнено, Большой Брат, – снова кивнул Цзи, а затем грозно зыркнул на копошавшихся вокруг раненого бойцов, поторапливая выполнять приказ.

О том, что такое еженедельные схватки с Квон Пэном, не знали лишь самые новенькие, только-только прибывшие из *дома* на усиление. Впрочем, и те довольно быстро знакомились с кулаками босса, постигая местные законы.

Драки были необходимы – только так начальство могло определить уровень подготовки своих бойцов. Только так Большой Брат мог спустить пар, выплеснуть накипь непростого характера, никого не убив. Хотя иногда доходило и до этого...

Сунув промокшую одежду ближайшему солдату, Кипяток, не глядя, принял из чьих-то рук свежую сорочку. Набросив на еще разгоряченное тело, спустился с металлической площадки, отведенной под рукопашные бои.

– Что у тебя там еще?

Цзи, осознав, что вопрос босса снова адресован ему, двинулся следом, замахав на «сорокдевятку» руками – шевелитесь, ленивые обезьяны!

– Прибыла новая партия работников, Большой Брат. Я посчитал, что ты пожелаешь увидеть их.

– Ладно, только быстро, хочу принять душ. – Квон Пэн провел рукой по влажным рыжим волосам, голодным тигром осмотрев жилище братства.

Они шли через огромный зал, из-за нескладных пропорций длины к ширине казавшийся тоннелем. Здесь, в этом самом зале, по проекту предназначенном под склад бульдозерных запчастей и отсек для ремонта грузовиков, и располагалось логово Кипятка. Причем с самого *начала*, еще до того, как грандиозное строительство было завершено и гигант отправился в путь. Потому что, имея много денег, можно открыть любые двери. Равно как и закрыть...

Нанятые братством дизайнеры постарались на славу – почти *му* площади когда-то промышленного помещения грамотно распланировали на целый десяток зон.

Жилая, где Квон Пэн спал и ежедневно удовлетворял плотские желания, была отрезана стеной из ширм, покрытых национальными китайскими сюжетами. На самом деле ширмы были изготовлены из кевлайкры, но знать об этом полагалось немногим.

Глухими перегородками из матового стекла была отгорожена зона самой настоящей сауны, где босс и старшие офицеры с потом выгоняли из себя злость и усталость. Была тут и оружейная, обнесенная рабицей, где хранился запас «дрелей», «дыроделов» и клинков. А еще зона для видеоигр и просмотра фильмов, тренажерный отсек и ринг для схваток, рабочий кабинет машинистов, кухонный блок и своеобразная зона отдыха, где на шести огромных диванах коротала время свита Большого Брата – Пэна.

В отдельной нише, недалеко от бронированных входных дверей, виднелся старинный алтарь Будды. По приказу Кипятка там непрерывно курились дорогие благовония и чадили лампы, а сам босс регулярно приносил жертвы, спрашивая небеса о поддержке в начинаниях или удаче...

Боевой азарт отступал под напором нехитрой дыхательной гимнастики, с помощью которой Квон Пэн хоть как-то контролировал свой вспльчивый характер. Застегнув сорочку на две нижние пуговицы, он пригладил огненные волосы, возвращая прическе хотя бы подобие знаменитого, известного на все поселение рыжего гребня.

В протянутую вбок руку легли узкие черные очки, которые Кипяток немедленно надел. Он пренебрегал так называемыми «балалайками», предпочитая не уродовать затылок даже

ради миллионов удобств, а потому по старинке пользовался внешними экранами. Самыми современными и мощными, управлять которыми можно обычным движением зрачка.

Наверное, именно эта неприязнь ко встроенной в человека электронике помогла Пэну без осязаемого дискомфорта выдержать Перерождение и не стать минусом, когда сломалось *все*, включая сеть и космический флот...

– Заводи новеньких, – разрешил он, опускаясь на один из кожаных диванов в общей зоне. На самый большой, точно напротив многослойной двери, возле которой отирались двое рядовых боевиков с бесшумными «дрелями». – Посмотрим, кого принесло к берегам нашей скромной обители кармическим прибором...

Цзи вежливо рассмеялся, за ним шутку негромко оценили окружающие босса «сорокдевятки». Смех стих, когда инфорсер дал знак, а автоматчики распахнули двери, связавшись с внешней охраной убежища.

Новоприбывших оказалось семнадцать человек, и на этот раз ни одной женщины. Вошли медленно, робко толкаясь и норовя вытолкнуть вперед кого-то из соседей. Взглядов не поднимали, изучая пол, опасаясь даже краем глаза рассмотреть святая святых знаменитой «Алмазной кобры». Одето стадо было в едином стиле, небогато и блекло. Впрочем, в низком уровне достатка сородичей, прибывавших в поселение взамен умерших или убежавших, Кипяток никогда не сомневался.

Демонстративно покачивая оружием, рядовые «сорокдевятки» расставили рабочих в несколько рядов. Лязгнули дверные засовы, и от босса не укрылось, как вздрогнули плечи сразу целой дюжины новеньких. Впрочем, так было всегда – он привык к человеческому страху, которым питался, словно бабочка нектаром...

Кипяток привык к чужому страху, который перед ним испытывали почти все. В том числе – несколько не робкие люди, вроде этих семнадцати, еще верящих в торжество законов. И ведь совсем не заморыши или оборванцы, поджимающие хвосты при каждом громком звуке. В каком-то смысле даже избранные, тщательно отфильтрованные среди тысяч желающих отработать долг перед Родиной на одном из величайших объектов, когда-либо возведенных Поднебесной. Но они уже начинают понимать, что к чему...

– Вам всем выпала огромная удача! – хорошо поставленным голосом рявкнул Кипяток, с удовольствием заметив, как от выкрика покачнулись еще двое. – Судьба избрала вас среди множества подобных!

Он мягко вскочил с дивана и вскинул руки, с резким хлопком соединя ладони над головой. Повернулся в сторону алтаря, истово потрясая сведенными кистями в сторону статуэтки Будды.

– Воспользуйтесь своим шансом, и следующие поколения ваших семей будут жить в достатке и уважении!

Несколько человек поклонились алтарю, но большинство продолжало созерцать пол, демонстрируя узаконенное равнодушие к старинной Традиции.

Квон Пэн плотоядно улыбнулся, опускаясь обратно на диван. В наступившей тишине было слышно, как скрипнула обивка.

– Вы знаете, кто я такой? – вкрадчиво спросил он стоящих перед собой людей, не решавшихся поднять на него глаз. – Вам известно, кто я?

Конечно, они смолчат. Даже если кто-то и слышал про Кипятка, то никогда не решался озвучить свои мысли. Зачем, если этот импульсивный человек с гривой рыжих волос сейчас и сам все расскажет?

Пэн уже приготовился продолжить речь, как вдруг услышал:

– Я знаю, Большой Брат, кто вы такой...

Сказано было негромко, но внятно.

Инфорсер Цзи бросил на босса короткий взгляд, смущенный сбоем в привычном сценарии. Но вместо злости на лице Кипятка отразилось любопытство. Подавшись вперед, он внимательно рассматривал невысокого паренька, осмелившегося открыть рот.

Лет двадцать, вряд ли больше. Из крестьян, судя по всему. Акцент выдает жителя южных провинций. В меру коренастый, в меру худой – самый обычный парень в толпе себе подобных. Слуга своего народа, сумевший пройти отбор.

– Говори, – позволил босс.

– Вы, Большой Брат Квон Пэн, *сан шу* – отец местного отделения уважаемого и могущественного «Союза Небес, Земли и Человека», больше известного на всем «Звездном Пути», как «Алмазная кобра»! – почтительно поклонившись, отчеканил молодой человек. Только теперь Кипяток разглядел, как сильно тот волнуется и потеет, не решаясь поднять руку и утереть взмокшие виски. – Мой папа, провожая в дальнюю дорогу, объяснил мне все, что полагается знать новенькому...

– Молодец, твои речи верны, – широко оскалился Пэн, в подтверждение слов потрясая расслабленной кистью в сторону смельчака. – Ты проявляешь уважение и почтение, входя в чужой дом! Это делает честь и тебе, и твоему отцу.

Бегло просмотрев досье парня на экране своих очков, Кипяток приопустил их на нос, бросив на Цзи короткий выразительный взгляд. Инфорсер, перехвативший послание господина, сразу все понял – за бойким новичком стоит присмотреть. Вдруг да выйдет толк и бывший крестьянин попыбует стать «сорокдевяткой»?

– Ты сказал верно! – повторил босс «Алмазной кобры», теперь обращаясь ко всем остальным. – Меня зовут Квон Пэн, но меня часто называют и Большим Братом... Если вы считаете, что в этом удивительном месте правят офицеры НОАК или контрразведчики Председателя, – вы ошибаетесь. Настоящий хозяин здесь – я. А потому и законы следует исполнять мои.

Он снова поднялся с дивана, демонстрируя новым работникам воистину звериную грацию. Провел рукой по волосам, еще влажным после схватки с безымянным 49-м.

– Сегодня в отделе кадров вы были распределены на будущие рабочие места, – продолжил он, прохаживаясь вдоль человеческих рядов. – На кухни, в прачечные, в котельные или ремонтные мастерские. Там вы будете честно нести вахты, получая за это заработную плату и отдавая гражданский долг всему китайскому народу.

Пэн сделал паузу, поверх напичканных электроникой очков осмотрев пятерых, стоявших ближе всего. Плечи работников поникли, головы опустились еще ниже. Одно дело – предполагать печальный исход встречи, и совсем другое – дожидаться его...

– Чтобы вы, одурманив мозг опиумом или сибирской водкой, не спустили все сбережения на продажных девок или запрещенные фильмы, – повысил голос Кипяток, – половина ваших накоплений будет ежемесячно переводиться на счета «Алмазной кобры». Вы понимаете, какую выгодную сделку я вам предлагаю? Этим мы не только поможем нашему государству, обезопасив страну от оттока юаней, но и обеспечим вам безбедный отдых после завершения вахты!

Кипяток остановился, качнувшись на каблуках и демонстративно потрясая ладонью.

– Помните, что также мы даем вам возможность увеличить накопления. Половина вашей заработной платы, поступившая на наш счет, станет обрастать процентами. Конечно, не такими огромными, как могут предложить Пекинские банки. Но это лучше, чем бездарно зарывать монеты в землю. Вот что значит настоящая забота... Поэтому перед тем, как покинуть мое гостеприимное жилище, позвольте господину Цзи сосканировать персональные данные ваших «таблеток» и «балалаек».

Пэн глубоко, полной грудью вдохнул запахи страха, волнения и досады, исходившие от стоящей у дверей толпы. Отвернулся, чтобы скрыть торжествующую улыбку, и легким прыжком вскочил на возвышение с диванами.

– И помните – если у вас беда или нужна помощь, или вы столкнулись с проблемой, которую не можете решить: не идите к военным. Приходите ко мне, и я помогу быстро, без бюрократии, волокиты или шумихи. И главное – я помогу справедливо!

Он навзничь рухнул в пуховые объятия уютного дивана, медленно утопая в его поверхности. И несколькими секундами позже – когда Цзи уже двинулся к рабочим с зажатым в руке «раллером», – вдруг приподнялся, словно вспомнив что-то важное.

– И еще... – добавил Кипяток таким зловещим голосом, что на месте замер даже приступивший к работе инфорсер. – Хочу, чтобы вы знали кое-что еще. Если среди вас есть презираемая мной шваль вроде карманников, мелких мошенников, насильников или шулеров, лучше бегите... Ибо, если я пойму, что вы обижаете тех, кого мой «Союз» поклялся защищать много веков назад, вам откроется прозвище Квон Пэна. И тогда вы позавидуете даже жертвам Желтой Паучихи...

Сильный росток пробивает даже гранит 18 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Душа подобна храмовой масляной лампаде. Огонек ее горит столь же ярко, сколь полезно и мудро проживает человек отведенный ему в этом мире срок. Масло же в этой «плошке» – это устремления, чаянья, чувство долга и отдача любимому делу. Точно так же, как настоящее масло, эти двигатели человеческой судьбы могут быть разбавлены водой тщеславия, прогоркнуть от зависти или испариться от лени и безделья, которым зачастую посвящают жизнь.

Подполковник подразделения № 9 Народно-освободительной армии Китая Чэнь Юйдяо точно знала, что огонек ее лампы теплится ровно, ярко и не испытывает недостатка в масле. Преданность Родине и самоотверженность, с которыми женщина больше двадцати лет служила в рядах НОАК, подтверждали это без труда. А год назад, когда майора контрразведки Юйдяо повысили с назначением на пост военного коменданта объекта «Тип-0099», это пламя вспыхнуло с новой силой.

Разумеется, как в жизни любого смертного, порывы космических ветров несколько раз пытались погасить лампаду подполковника. И речь вовсе не о шальных пулях локальных конфликтов и контртеррористических операций, в которых принимала участие Чэнь, хотя и таких ситуаций хватало с избытком. Вместе с миллионами огней по всему свету, ее личную чуть не погасило Перерождение, встряхнувшее планету ровно четыре года назад.

Когда все *случилось*, майор Юйдяо несла службу на подземной базе НОАК, спрятанной недалеко от Тайюаня. База была построена в зоне средней сейсмической активности, потому полного обрушения, как например, на объектах близ Цзинаня или Таншана, не произошло.

Но ровно на сорок четыре дня перепуганный гарнизон оказался отрезанным не только от связи с внешним миром, но и от поверхности. 44 дня – две несчастливые четверки, о негативном свойстве которых говорили чуть ли не со времен Империи Цинь.

Какой бы вымуштрованной и организованной ни была армия Поднебесной, паники избежать не удалось. Полковник, командовавший гарнизоном, погиб во время землетрясения вместе с двумя десятками солдат и офицеров. А еще сотня выжила, чтобы на глазах сослуживцев превратиться в полоумное неуправляемое стадо, едва не уничтожившее само себя.

Произойти этому не позволила именно Юйдяо, сразу взяв командование в свои руки.

Тридцатипятилетняя майор отлично понимала, что эвакуацию и раскопки могут начать далеко не сразу. Быть может, и вообще через год. Но она не растерялась, собрав союзников и быстро вернув армейские порядки. Кнутом и пряником подтянула дисциплину замурованных под землей людей, грамотно распределила припасы, расчистила вентиляционные шахты.

Да, приходилось расстреливать однополчан, в том числе лично. Да, приходилось в зародыше давить бунты и голодные волнения. Приходилось взвешивать, оценивать и принимать непростые решения.

Но она справилась. Наверняка западным варварам, коими являлись жители Католического Вуду или России, казалось, что могучая Поднебесная устояла, не дрогнув вообще. Но варварам и необязательно знать, с каким трудом и самоотверженностью люди, подобные Юйдяо, гасили вспыхнувший в сердце Китая пожар хаоса и паники...

При сложении две четверки дают восемь, и это число принесло Чэнь Юйдяо большую удачу. После того как семь десятков уцелевших военных поднялись на поверхность истре-

панной Перерождением страны, майора представили к многочисленным наградам. А огонек лампы загорелся с новой энергией.

Ей, как и миллиардам землян, не повезло – им выпало жить в эпоху столь страшных перемен. Но когда кто-то ломался, не выдерживая давления обстоятельств, Чэнь только крепла, чтобы и дальше служить стране.

Строить объект под названием «Тип-0099 «Император Шихуанди» начали спустя почти два года после катастрофы, бросив на него невероятное, расточительно огромное количество человеческих и производственных ресурсов. И ни для кого не стало неожиданностью, когда к разработке проекта – тогда еще секретного – привлекли такого специалиста, как Чэнь. А когда через тринадцать месяцев комплекс был достроен и прошел первую пробную трансформацию на полигоне Хух-Хото, Юйдя получила заслуженное и ожидаемое назначение.

Она по праву считала комбайн своим детищем.

Еще на стадии разработки опекая «Императора» от промышленных шпионов государств и корпораций, Чэнь сразу сроднилась с передвижным городом, подарившим Китаю надежду на новый мир. И потому входила на борт завершеного комплекса с чувством необычной, переполняющей через края гордости и неумной силы.

Разумеется, «Император Шихуанди» был гигантом. Махиной, колоссом, одним из новых Чудес Света, рожденным трудолюбивыми руками китайцев. Но народ, когда-то воздвигнувший на своих границах «Стену в десять тысяч ли», способен и не на такие свершения, Юйдя была точно уверена в этом. Хоть иногда и задумывалась, что в создании комбайна ее сограждане, в буквальном смысле слова, превзошли сами себя.

ПТК – передвижной терраформирующий комбайн, взлетал к облакам на высоту почти 22 чжана, что было всего втрое меньше старинных американских небоскребов. Одновременно громоздкий и обманчиво хрупкий, он завораживал своим индустриальным, далеким от изящества и легкости дизайном. Механический тягловый вол, медленно пробивающий дорогу в горной тайге и с грацией мамонта пересекающий монгольские пустоши.

Это был настоящий город – многоуровневый, шумный, со своим пропахшим машинным маслом «дном» и изящными «пентхаусами», дорога в которые открывалась только избранным. Он стал миниатюрной – если такое сравнение применимо к мобильному комплексу массой в дюжину тысяч европейских тонн – копией цивилизованного мира.

С одной лишь разницей – этот цивилизованный мир так и не познал, куда держит путь. Куда направляется ПТК, Чэнь Юйдя знала точно – великанским плугом машина взрезала перерожденную планету, оставляя за собой своеобразный след – многополосную железную дорогу, получившую полное надежды название: «Звездный Путь».

Комплекс воистину стал триумфом китайских инженеров, проектировщиков, военных, металлургов, машиностроителей и тысяч разнорабочих, в рекордные сроки воздвигших странствующий город для прокладки «Пути». Имена их всех – многих и многих, живых и отдавших стройке жизнь, были заботливо высечены на тонкой бронзе, покрывавшей памятную стелу недалеко от заводов и полигона Хух-Хото.

Неповоротливый, управляемый целым легионом специально обученных машинистов, «Шихуанди» с черепашьей скоростью и таким же упорством полз на северо-запад.

В арсенале комбайна, размещенный в ангарах или караваном плетущийся за кормой, находился весь парк техники, необходимой для строительства дороги к звездам. Многочисленные экскаваторы, в том числе один роторный и один карьерный, бульдозеры, погрузчики, самосвалы – когда вся эта стая железных трудолюбивых высыпала из темных недр комплекса, Юйдя казалось, что по улице следует палантин с тучным господином, окруженным свитой и слугами.

Все они суетились, чтобы толстяк не подумал ворчать, засыпали реки и овраги гравийными подушками, пробивали, расчищали, отгружали, прессовали и вскрывали...

Охрану передвижного комплекса обеспечивало специально сформированное подразделение бронепехоты, командование которым и было доверено подполковнику Юйдяо. Лучшие бойцы НОАК, отобранные по всей Поднебесной, шли на службу с честью и гордостью, одинаково добротнo неся караульные службы, выполняя полицейские функции или отлавливая диверсантов и провокаторов.

Сама железная громада какого-то особенного вооружения не имела, его все равно пришлось бы демонтировать при пересечении границ Республики Сибирь. Но несколько противоздушных комплексов, равно как и целая сеть гнезд со стационарными «ревунами», отвесные бока исполина все же украшали.

Словно пасту из тьюбика, выдавливал «Император» ленты железной дороги, почти не останавливаясь в своем монотонном занятии. Вдоль новорожденного «Звездного Пути», на некотором отдалении от флагмана следовала еще одна шумная свора дорожной и железнодорожной техники, с высот гиганта казавшаяся ничемной мелюзгой.

Эта «мелочь» доводила до ума насыпи, укладывала асфальт и глинопластик, тратила сотни тысяч тонн цемента, боязливо не приближаясь к зоне работ стратегического государственного объекта.

По этим же – уже построенным – железнодорожным артериям на комбайн поступала половина затрачиваемой чудищем энергии. Редкие цистерны с драгоценной соляжкой и многочисленные вагоны угля, гигантские батареи Ллейтона, едва уместяющиеся на открытых грузовых платформах, усовершенствованные панели солнечных накопителей и резервуары с природным газом – иногда казалось, вся страна работает только для того, чтобы поддерживать в ПТК биение пульса.

Все эти сокровища беспрерывно поставлялись в комплекс уже ровно год, напоминая кормежку ненасытного великана – прислужники и лакеи все несли и несли хозяину новые смены блюд, едва успевая оттащить в сторону пустые тарелки и утятницы.

Конечно, основным источником жизни комбайна были ядерные реакторы, оберегаемые людьми Чэнь Юйдяо пуще зеницы ока. Но силы этих реакторов тратились экономно, прагматично, даже скупно, зачастую обделяя теплом и светом вспомогательные службы или жилые отсеки для низшего персонала. Им – недовольной, но покорной половине комплекса, предстояло довольствоваться архаичными ТЭЦ, многотонными монолитами сменных батарей, а иногда и вовсе локальными котельными.

А город все полз и полз вперед, упиваясь мощью и уготованной исторической миссией. Рушил уцелевшие в Перерождении горы, словно праздничный пирог рассекал склоны, вырубая из них гигантские ломти, бесцеремонно вторгался в места, испокон веков считавшиеся дикими и неприступными.

Когда операторы собирались подкорректировать курс, требовалась стационарная подзарядка или возникали непредвиденные заминки, ПТК вставал на якорную стоянку, трансформируя часть себя и превращаясь в настоящий муравейник.

Тогда модули и блоки комплекса на специальных направляющих выдвигались из его брюха и боков в разные стороны, образуя многочисленные террасы и тем самым распределяя чудовищную массу объекта по наибольшей возможной площади. Чтобы траки колосса не тонули в грунте, активировались специальные упоры и воздушные подушки. Рабочие мачты, штанги и краны прятались в пазы, а большинству персонала инструкция предписывала проводить на борту «Императора» как можно меньше времени.

Вот тогда-то «Шихуанди» на самом деле превращался в раскладной бродячий цирк, какими славились дороги средневековой Европы. Владельцы закусочных, лавок, мастерских

и различных не совсем легальных салонов спешили наружу, чтобы успеть разбить свою палатку на самом выгодном месте, причем как можно ближе к комбайну.

В такие дни пространство вокруг титана покрывалось пятнами разноцветных полиэтиленовых тентов и палаток, флагами с символикой частных торговцев, рекламными вывесками и легкими мачтами с гроздьями прожекторов.

И именно тогда становилось по-настоящему ясно, как много людей живет в титапластовом брюхе увальня, решившегося на утомительное путешествие из глубин Поднебесной на задворки дикой России.

Пять сотен механиков и электриков. Полторы сотни машинистов, управляющих внутренней сетью комбайна. Почти шесть сотен отборных солдат и офицеров НОАК, оберегающих комплекс от возможных посягательств неизвестного противника. Четыре сотни человек обслуживающего персонала – поваров, врачей, хронистов, картографов, геологов и сейсмологов. Остальное – рабочие. Плюс посольство Сибири и консульский отдел при нем, гражданская администрация из высоколобых и чиновников, небольшое подразделение противовоздушной обороны, служба негосударственных предприятий отдыха и питания.

Чэнь Юйдяо не любила признавать собственные слабости. Но эту отрицать было бы совершенной нелепостью – даже комендант ПТК со всеми ее сканерами, наноскопами и системой электронной идентификации персонала не могла назвать *точную* численность живущих под ее ногами людей...

Именно это могло стать настоящим бедствием комбайна. Могло бы, если бы не железная рука подполковника, среди жителей станции получившей зловещее прозвище Желтый Каракурт...

Да, в комплексе хватало проблем с проституцией, азартными играми и наркотрафиком, налаженным вездесущей Тριάдой еще на стадии строительства гиганта. Но рано или поздно Каракурт доберется и до них, уничтожив скверну без сомнений и жалости...

В уголке правого глаза замерцал вызов по внутреннему служебному каналу.

Чэнь откинула раздумья вместе с легкой простыней, которой укрывалась. Рывком встала на ноги, бросив короткий взгляд на лежащего рядом мужчину. От былой силы и молодой мощи, искрящихся еще несколько дней назад, теперь не осталось и следа...

Грациозно ступая по мягкому светло-серому ковру, Юйдяо подошла к зеркалу, с задумчивым прищуром рассматривая отражение своего обнаженного тела, перепачканного красным. Красивого тела, поджарого, хищного, без единой жировой складочки, обычно присущей большинству женщин ее возраста.

Нарушая безупречность обнаженной красоты, внутри отражения текли сжатые данные разных отделений штаба: отчеты, оперативные сводки и динамические диаграммы о жизнедеятельности комплекса – в жилище коменданта к сети было подключено практически все. Стоило задрожать лишь одной, самой дальней нитке огромной паутины, и восседающий в ее центре паук уже знал об этом...

Сигнал персонального вызова все еще мерцал под веком, и подполковник пришла к выводу, что, осознанно рискуя навлечь ее гнев, подобную настойчивость мог проявить только один человек.

– Я внимательно слушаю, Болло, – легко щелкнув пальцами, она ответила на вызов, возвращаясь к огромной кровати. – Надеюсь, ты помнишь, что сегодня у меня день отдыха?

– Искренне прошу прощения, товарищ подполковник! – без малейшего оттенка вины отчитался старший лейтенант Ху. – Но в штаб только что поступила информация, требующая вашего немедленного ознакомления...

– Пересылай.

Поглаживая большим пальцем подушечку мизинца, Юйдяо активировала стрелочку указателя на глазном наноэкране. Ввела личный код доступа, наблюдая за пересылкой доку-

ментов в ее персональную «балалайку». Из Пекина... Даже если не срочно, то уж любопытно наверняка – Болло не зря нарушил ее уединение.

– Докладывай, – приказала она, не торопясь открывать файлы с маркерами правительственных служб.

Прислушиваясь к звучащему в голове голосу адъютанта, Чэнь присела на край кровати, проведя свободной рукой по гладкому мужскому плечу. Кожа уже начала остывать, мышцы медленно каменели, а густые пятна крови неумолимо впитались в мятую простыню.

– Постоянный комитет собрания народных представителей и Центральный военный совет одобрили зарубежную информационную кампанию вокруг прокладочного комплекса, товарищ подполковник...

Юйдяо ласково потрепала черные и сухие, будто ковыль, волосы своей новой игрушки. Сломанной игрушки... Позабавилась с прядками, чувствуя запредельный холод, исходящий от мужской кожи.

Встала, набрасывая перемазанную кровью простыню на коченеющий труп. Новости, озвученные Болло, заставляли растущее возбуждение меркнуть, уступая место привычной рабочей сосредоточенности.

Дозволен доступ представителям семи крупнейших мировых информационных агентств, – продолжал краткий доклад ее помощник, – подробные данные в приложенных документах.

– Благодарю за службу, товарищ Ху. – Широким шагом Чэнь отправилась в душевой отсек, больше не поворачиваясь к кровати, полчаса назад пылавшей горнилом, в котором любовь переплавилась в ярость. – И еще... Дополнительная разработка заключенного номер два-два-один-семь-три завершена. Товарищ старший лейтенант, прошу подняться в кабинет дознания для наведения порядка.

Болло поможет, как делал это уже не раз.

И даже не десять раз. И не двадцать. Желтый Каракурт не просто так заработала свое прозвище, но Юйдяо была уверена, что тошнотворный мужской страх, окружающий ее, будто аромат мощнейшего парфюма, только помогает ей управлять вверенным объектом.

Пока она будет принимать душ, отключив мониторы и выложив «балалайку» на стеклянную полочку под зеркалом, адъютант избавится от трупа. Сдаст постельное белье в частные прачечные на нижних уровнях комбайна, а затем скрупулезно вычистит спальню, не оставив от побоища и следа...

Тревожило другое – новости, принесенные Болло так неожиданно и несвоевременно. Совсем скоро в комплекс понаедут дикие, невоспитанные и наглые американцы, арабы, индусы. Станут вынюхивать, выпрашивать, делано восхищаться и петь дифирамбы мощи китайского народа.

Встав под тугую струю воды, Чэнь наклонила голову, брезгливо сковыривая ногтем бурые потеки, засохшие на ее небольших грудях. Эх, прибавится хлопот... Для того, чтобы понять это, не требовалось даже брать в руки «Книгу перемен».

О том, что иностранные делегации узнают что-то секретное или выставят ПТК в невыгодном для республиканской идеологии свете, Юйдяо не волновалась. Активность «балалаек» журналистов будет ограничена, они получают специальные приборы слежения, а все отснятые материалы пройдут жесточайший контроль целой армии цензоров.

А вот в том, что одного-двух журналистов не избыют в борделях, не обчистят в нелегальном казино или не накачают опиумом, подполковник сомневалась... Ох, прибавится хлопот ее воякам, ох прибавится!

Впрочем, в дальней дороге не бывает легкой поклажи, как говорили в старину.

Чэнь Юйдяо выключила воду, медленно и старательно вытерлась толстым тяжелым полотенцем.

Она сегодня же внимательно изучит присланные Ху материалы. Проанализирует личности каждого из аккредитованных журналистов. Через собственные каналы в столице выяснит об этих людях все, что может знать международная разведка Поднебесной.

А затем с достоинством примерит маску радушной, хоть и строгой хозяйки. И терпеливо переждет несколько дней, отведенных на съемки документальных картин о новом Чуде Света.

Умеющий сострадать утраивает свою силу 17 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

В вагоне правили смрад и духота, изгнать которые не помогали даже распахнутые окна. Десятки невымытых, разгоряченных тел в несвежей одежде окружали его, давили, толкали, пытались отодвинуть в сторону, чтобы урвать хоть кусочек сиденья. Больших усилий стоило не морщиться, чтобы не привлечь недовольства наполнявших вагон грубых и недалеких крестьян.

– Куда ж ты прешь, овца?! Не видишь, тут дети?!

– Уступите место инвалиду! Пожалуйста, я больше не могу стоять, ну хоть до Балахты... проявите же сострадание...

– Куда сумку пихаешь? Мое место, нечо тут!..

– Да проходите же, в конце концов! Свободно же вон, в центре...

Голоса неслись с обоих концов вагона – проводники запускали сразу во все двери. Голоса гудели, жужжали, досадливо мешали не то чтобы вздремнуть, но и элементарно сосредоточиться.

Наконец новая партия пассажиров закончила утрамбовываться, и Листопад услышал, как лязгнули запоры на дверях. Железнодорожный состав медленно тронулся, покидая платформу все еще лежащего в руинах городка.

Стоявших перед ним людей качнуло, кто-то чуть не упал, кто-то принялся браниться.

А ведь когда-то в таких вагонах ездили по билетам, пусть и не самым дорогим. А теперь, в условиях жесткой нехватки исправных тепловозов, даже в четырехместные купе пускают только на сидячие места. Ну а шанс получить полку в личное пользование выпадает, только если ты готов щедро раскошелиться. Что уж говорить про плацкарты, где пассажиров в прямом смысле набивают без счета?

Листопад вытянул шею, пытаясь сквозь заполнявшую проход толпу рассмотреть свою сумку, лежащую на самой верхней полке. Пузатый вещмешок оказался на месте, хоть теперь его и смяли чьим-то новоприбывшим баулом.

В той поклаже не было столь важных вещей, как в рюкзачке, который молодой человек прижимал к коленям. Но и ее потерять будет обидно – именно там находилась приличная одежда, в которую ломщику предстоит переодеться перед проникновением...

Парень покосился в открытое окно. Несмотря на долгие, натурально резиновые одиннадцать часов, что он провел, зажатый между толстой теткой и сонным стариком, на свое место жаловаться было грешно. Поезд от Новосибирска до Абакана шел прямой, значит, не нужно делать пересадку в только что покинутом Ачинске. А сидячее место позволяет даже поспать! Очередные одиннадцать часов, и он сможет вздохнуть свободно, оставив за спиной самую муторную часть путешествия.

Особенного выбора у Листопада все равно не было – перемещаться в общем вагоне, где транспортная полиция уделяет идентификации «таблеток» и «балалаек» до смешного мало внимания, гораздо надежнее, а покупка билета не требует электронной регистрации документов. Не вертолетом же ему лететь – такой маршрут вычислят мгновенно...

За окном вечерело. Над Сибирью наступала короткая летняя ночь, на финише которой состав прибудет в конечный пункт. Стараясь не обращать внимания на толкотню, ругань и вонь, Листопад рассматривал раскинувшиеся снаружи поля, холмы и рощи. Совсем скоро они сменятся бескрайними степями Хакасского посада, нарушить медитативное уединение которых не смог даже так называемый День Станции.

Красиво, все это очень красиво... Листопад был всецело убежден, что очарование Геоса можно найти не только в пышной зелени березовых лесов или в изумрудной бездне тропических джунглей. Его можно обнаружить и в однообразной пустыне, и в безжизненных скалах, и в унылых, слепящих глаза ледниках. Потому что все это – часть планеты, часть огромного живого существа, едва уцелевшего в смертоносной схватке с человеком.

Признаться откровенно, парень так до конца и не разобрался в запутанной идеологии организации, называвшей себя «Мидгард». Так и не понял разницы между древнегреческой богиней земли Геей и неким Геосом-Иерархом, ставшим единым воплощением планетарной души и ее живой сущности. Но в то, что населенный миллиардами человечков мир был живым, Листопад верил всем сердцем. А значит – ему по пути с Порфирионом и его коллегами.

Иерарх виделся ему живым организмом, способным испытывать радость, счастье и печаль, отчаяние и боль. Боль дикую, неумную, которую его заставляли чувствовать не одну сотню лет, с развития так называемой цивилизации.

Однако последний удар, четыре года назад нанесенный главным врагом Геоса, был стократно сильнее терзаний, которые доставляли люди своей Матери буровыми вышками, карьерными экскаваторами, ядерными взрывами и сжиганием озонового слоя.

Этот выпад нанесли Копьем, пробившим самое сердце планеты, но так и не умертвившим ее. Это был удар изменника, готового уйти к молодой и более крепкой любовнице и удумавшего тайно заколоть супругу. Нападение неожиданное, болезненное, исподтишка.

Листопад стиснул зубы, по его умиротворенному лицу невольно прошла дрожь. Он никогда не видел своего врага лично, но с помощью подчинившей пространство Сети это было обязательно – настанет день, и они дотянутся до *него* через расстояние. И тогда даже лучшие защитные системы Пирамидома не смогут остановить возмездие.

Юноша прищурился, вспоминая газетные снимки предателя, заставившего планету медленно подыхать от мощнейшего удара Станции. Вспоминая осанку и безжизненные глаза ненавистного Мертвого, хозяина растущего на дрожжах Анклава Москва, Листопад вздрогнул...

Бабка, сидевшая напротив, вернулась из туалета, умело пробивая путь в толпе, перекрывшей проходы вагона. Тут же вступила в спор с сухопарым мужичком, попросившимся «посидеть, пока не вернешься, место посторожить».

Теперь «сторож» отпирался. Освобождать место или слушать бабкины вопли не желая наотрез. Убедившись, что устные аргументы силы не имеют, шустрая бабулька ловко схватила наглеца за ухо, с хрустом вывернула, резко рванула вверх.

– Ах ты ж, гаденыш такой неблагодарный!

«Сторож» нечленораздельно заскулил и взвился с лавки, пытаясь вырваться. Бабка тут же юркнула на седушку, гнездясь, будто на насесте. Они еще долго препирались, громко и вульгарно, но Листопад предпочел отвернуться, возвращаясь в размышления...

Да, сущность по имени Геос человек начал убивать не вчера.

Задолго до активации Станции, задолго до чудовищного замысла Максимилиана Кауфмана, решившего предать родную планету. Ее топили в миллионах литров сброшенной в океаны нефти, жгли в локальных ядерных конфликтах, травили угарным газом, бактериологическим оружием и выбросами химических предприятий. Но только Инцидент наконец-то позволил всем последователям Иерарха объединиться, найдя в себе силы для священной войны.

Однако главное преступление против Земли состояло отнюдь не в уколе Копьем. И это, с точки зрения Листопада, было страшнее всего. Главное преступление состояло в том, что Мертвый призывал человечество покидать родную Мать. Уходить, оставляя раненую

старуху умирать в одиночестве, холоде и нищете... Возомнив себя Божеством, он даровал пастве путь к звездам, наплевав на отчий дом.

Люди, как и ожидалось, дар Мертвого приняли с распростертыми объятиями.

Глупые люди, слабые духом и неразумные.

Именно им, заблудшим и поверившим лживым речам «Наукома» и его кукловодов, «Мидгард» должен объяснить правду. Открыть глаза. И ради этого приза – миллионов человеческих судеб, без которых Геос умрет, – они будут бороться. Пусть даже так жестоко, как это произошло пять дней назад в Европе.

Купе плацкартного вагона разделилось на две противоборствующие стороны, ругаясь в полный голос за права бабульки и мужичка с опухающим ухом. Глядя на перекошенные неприязнью лица, Листопад невольно улыбнулся. Пока вокруг кипели фальшивые страсти, юноша испытывал гордость. Настоящую, густую, жгучую, переполняющую его гордость.

Он смог пройти последнее испытание Порфириона, могучего мифического гиганта, рожденного от божественного союза Урана и самой Геи. Смог доказать профессионализм, решительность, преданность делу «Мидгарда».

Да, в силу своего возраста Листопад испытывал легкую вину и жалость по отношению к убитым пилотам «суперсобаки» или арабу-смотрителю. Но гордость была сильнее, и печаль отступала.

Без какой-либо помощи он написал нужные программы. Закупил комплектующие, собрал оборудование, переслал его исполнителям. Провел личную часть операции без записок. И ушел налегке, уничтожив следы.

Из заброшенной квартиры, в которой тихой мышкой обитал последние пару недель, Листопад прихватил только небольшую сумку с одеждой, набор для маскировки, горсть рабочих гаджетов и бесценный «раллер». Вспомогательные станции, сетевые карты, незарегистрированные коммуникаторы, дисплеи и даже удобное рабочее кресло пришлось бросить. Сжечь, как и приказывал Порфирион. Заложить крохотное взрывное устройство, изготовленное по чертежам из Сети, и спалить, как исполнители выжгли башню дорожного диспетчера...

Гомон в купе стихал, словно рокот удаляющейся бури. Партия бабульки победила, криками доказав – поход в туалет в переполненных вагонах считался едва ли не священным, и посягать на сидячие места «отлучившихся» могли только беспредельщики. Сухонький мужичок, проигравший яростный спор, удалился в другое купе, бормоча ругательства и потирая красное ухо.

Терпеть... Терпеть весь этот бардак и выжидать – вот что приказал себе Листопад, намеренно свернувший пульсирующие часы в уголке глазного наноэкрана. Он не будет каждый миг поглядывать на оставшееся до прибытия время.

Пусть юноша умел управлять чувствами не столь умело, как легендарный братец, он терпеливо дождет, пока поезд прибудет в Абакан, не подгоняя минутную стрелку. Там ему потребуется всего полчаса в мужском туалете, чтобы сменить «балалайку», активировать нужные приборы и чипы, переодеться, а потом...

А потом он двинется дальше по выданной Порфирионом путевке. Вступит в очередную фазу новой операции «Мидгарда», важной, рискованной и дерзкой. Продолжит выполнять миссию, право на которую заслужил своей атакой на европейский грузовой транспорт.

Листопад жадно вдохнул спертый воздух, поудобнее уместив компактный рюкзак на коленях. Оправил кепку, чуть приподняв козырек. Лысина отчаянно потела, но головной убор прятал от лишних взглядов бритую кожу и татуировки, причисляющие молодого человека к его профессии. Лучше уж потеть, чем выслушивать от тупых сельчан упреки, что «ваша тритонская братия чуть не устроила Конец Света»...

В свои семнадцать лет, в отличие от большинства сверстников, паренек был далеко не наивен.

Безусловно, он понимал, по какой такой исключительной причине для выполнения нового задания Порфирион избрал именно его. Однако в целом это совсем не оскорбляло – среди всех русских членов движения «Мидгард» шансов на успех больше всего было именно у Листопада. А если выполнить приказ поможет знатное родство – что же в этом зазорного?

Однако глубоко внутри, где юношеское тщеславие волнами билось о скалы крепнущего характера, ломщик верил, что если бы не его талант, наставник избрал бы другого. Окажись уровень умений молодого машиниста ниже, а обучаемость не такой легкой, осмелился бы Порфирион делать ставку только на происхождение? Конечно, нет. От понимания этого факта становилось еще жарче, а губы непроизвольно растягивала довольная улыбка.

Листопад задремал. Плавно утонул в тягучих грезах, уже не обращая внимания на толкотню, вонь и разговоры. Несколько раз просыпался, не упуская плен сна, заставлял его вернуться и поглотить себя. Один раз протолкался до туалета.

Какой-то парнишка предложил посторожить место взамен на час отдыха, и юноша согласился, ему было не жалко. В отличие от предыдущего смутьяна, новый «сторож» не стал претендовать на сиденье или конфликтовать. Едва час миновал, Листопад растолкал парня в плечо, и тот сонно поплелся курить в тамбур.

Когда солнце поднялось над хакасскими степями, освещая старинные таинственные менгиры, рассыпанные по равнинам, пассажирский состав прибыл в Абакан. Дождавшись, пока шумная толпа вывалит наружу, Листопад размял затекшие мышцы, покрутив кистями рук, забрал с полки мятую сумку и вышел на перрон.

Летняя жара еще не успела обрушиться на город, а потому молодой человек какое-то время просто стоял на месте, наслаждаясь прохладой и ветерком. Полностью уверенный в себе, он даже не сдвинулся с места, когда мимо пробрел полицейский патруль. Вежливо поздоровался, когда сержант все же решил обратиться к застывшему приезжему, устроив выборочную проверку документов.

Столь же вежливо и предупредительно Листопад показал ему затылок с заглушкой, якобы заменявшей утраченную «балалайку». Протянул под сканер руку, безбоязненно поглядывая на побежавшие по экрану данные.

Его «таблетка» не была вшита под кожу – когда-то в трущобах знакомый пластик удалил из руки машиниста кусочек плоти, устроив в предплечье настоящий тайник. Теперь чип прятался в этом углублении, прикрытый обыкновенным, хоть и очень качественным, гримом.

Отдав честь добропорядочному и законопослушному гражданину, наряд полиции удалился прочь. Улыбнувшись приходу нового дня, ломщик зашагал к зданию вокзала.

Конечно, встречай Абакан проверкой уровня анклавных безов, с их стационарными сканерами и наноскопами, незамысловатые хитрости Листопада треснули бы, как гнилой орех. Но он знал, к чему готовился, а потому совершенно не нервничал.

Планы вокзала изучил заблаговременно – едва попав в здание, незамедлительно прошел в туалеты. Заперся в кабинке, быстро переоделся, сквозь зубы ругаясь на тесноту. Джинсы машиниста заменили легкие летние брюки, способные подойти в том числе к костюму. Подпоясаны брюки были ремнем, причем из настоящей кожи. Вместо яркой молодежной майки с коротким рукавом на плечи легла сорочка, в меру демократичная, сколь и деловая.

Все это, с иронией вспомнил он, было подарками брата. Приветом из далеких-далеких времен, когда сохранение дружбы еще казалось возможным им обоим...

Кепку парень спрятал в сумку. Набросил на шею и аккуратно затянул синий галстук, которого в обычной жизни не носил отродясь. Рюкзак также исчез в брезентовом бауле для

вещей, а его содержимое переключало в простенький, но дорогостоящий портфель, который Листопад повесил на плечо.

Перевел дух. Взглянул на часы экранного.

Поезд прибыл с пятнадцатиминутным опозданием, которого юноша ожидал. Значит, уже больше двух часов назад виртуальная сетевая личность, представившаяся его секретарем, совершила запрограммированный звонок в абаканское отделение БАРСа, поставив служивых перед фактом...

Лезвием перочинного ножа Листопад приподнял грим, прикрывающий изуродованное хирургией предплечье. Достал «таблетку», без лишних колебаний бросил ее в унитаз. Затем вынул заглушку и вставил в затылок «балалайку». Новехонькую, буквально вчера разработанную «Наукомом». Причем не ломаную, а родную, зарегистрированную по всем законам. Еще одна, старая и полуживая, лежала в «секрете» кейса, храня любовно сконструированную личность дальневосточного полукровка.

Затем он активировал генератор помех в клапане сумки, пока выставив уровень «шума» на минимум. Если же военные захотят устроить незамедлительную проверку, ломщик успеет переключить прибор, обрывая связь со спутником.

В туалеты входил молодой шалопаи в кепке и с рюкзаком.

Вместо него на утреннюю улицу Абакана вышел совсем другой человек.

Статный, аккуратно одетый – в нем с первого взгляда угадывался мелкий чиновник или начинающий предприниматель, путешествующий поездами. На плече его висел рабочий портфель для планшетного компьютера и необходимой канцелярии, в левой руке покачивался похудевший вещмешок.

Как бывало и в старину, к видному приезжему со всех сторон направились ямщики – водители припаркованных неподалеку мобилей. Принялись наперебой зазывать недорого доехать в любую точку города, но Листопад только покачал головой, сделав легкий жест свободной рукой. Он точно знал, куда направляется, и собирался сделать это пешком.

Обиженные извозчики еще какое-то время брели за ним. Самые нетерпеливые отселились почти сразу, а затем и остальные, пока наконец вся стайка водителей не оставила скупого юношу в одиночестве. Тот вздохнул свободно, улыбаясь тому, что какие-то вещи на планете неизменны, даже по прошествии многих веков.

Абакан оказался приятным небольшим городом из числа тех, кто не потянулся небо-скребами к самым облакам, а сохранил самобытность и определенное очарование провинциального центра.

Всесильный Инцидент зацепил и его, притопив и расшатав. Но местный посадник работал на совесть, чему способствовал растущий контингент «барсов», а потому руин почти не осталось – на месте порушенных зданий виднелись свежие надстройки из газобетона и глинопластика.

Здание ближайшего отделения БАРСа Листопад нашел с легкостью человека, хорошо знавшего маршрут. Это оказался массивный семиэтажный дом, в котором когда-то располагался штаб местного отделения внутренних войск. После того как Ростислав Гиляров начал строить свою Республику, кабинеты и подвалы семиэтажки заняли секретариаты и отделения новой Сибирской Армии.

Ладони вспотели от возбуждения, и Листопад заставил себя сделать несколько глубоких вдохов, изгоняя непрошенный мандраж. Если его поймают, ничего смертельного не произойдет, но операция будет провалена и перенесена на неопределенный срок. Кроме того, в следующий раз Порфирион пошлет совершенно другого ломщика...

Проскользнув в раздвижные двери на фотоэлементах, Листопад оказался внутри. Бегло осмотрел приемный покой, отгороженный от холла массивными железными турникетами,

рамками наноскопа, дозиметра и кабиной дежурного, наблюдавшего за гостем через пуленепробиваемое стекло. Подошел, опуская сумку на покрытый трещинами пол.

– Здравствуйте, – как можно приветливее сказал он рядовому, склонившемуся над мониторами внешнего наблюдения. – Пожалуйста, пригласите дежурного офицера...

– По какому вопросу?

Дежурный с суконным барсом на левом камуфлированном рукаве интересовался грубовато, но без особенного хамства. Голос его раздавался из крохотных динамиков, размещенных над головой юноши. Вместо ответа тот наклонился, почти прижимаясь глазом к объективу сканера, и позволил электронике считать со зрачка визитную карточку, разработанную специально по такому случаю.

– Ожидайте... – равнодушно протянул рядовой, связываясь с кем-то по внутреннему коммуникатору.

Младший лейтенант появился в кабине контрольного пункта, будто караулил за дверью. Заинтересованно, хоть и мельком, взглянул на визитера, бегло ознакомился с данными электронной визитки. Густая бровь его поползла вверх, и он посмотрел на Листопада совершенно иначе.

– Пожалуйста, встаньте на площадку для идентификации личности, – попросил он, указав в сторону от кабины.

Юноша послушно отошел от сумки на несколько шагов. Встал на специальную площадку со схематически нарисованными ступнями ног, прижал затылок к прорезиненной щели сканера. И практически тут же услышал щелчок, с которым разомкнулись турникеты.

– Здравствуйте, – поздоровался он с лейтенантом, забирая вещмешок и проходя в холл. – Мой секретарь должен был ввести вас в курс дела...

– Да-да, конечно. – Покинув кабинку, офицер протянул ему руку. – Мы ждали. Официальный запрос на посещение «Ильи Муромца» придет позже?

– Нет, – мягко отрезал Листопад, отвечая на рукопожатие.

Именно в эту секунду решалась судьба всей его авантюры, но ломщик чувствовал себя на удивление спокойно и уверенно.

– Мой визит в сибирское посольство является неофициальной операцией Министерства и должен оставаться инкогнито.

Лейтенант замялся, с интересом глядя на юношу, и по всему было заметно, что его распирает от незаданного вопроса. Чтобы подбодрить офицера, Листопад улыбнулся, откровенно позволяя проявить интерес.

– А вы, Степан Анатольевич, случайно не приходитеесь?..

– Совершенно верно. – Теперь кивок ломщика был четким и по-армейски коротким. – Я его родной брат, как и указано в документах. Но в своей карьере стремлюсь добиваться всего сам, без протекции.

Все честно, ни слова лжи или полуправды.

За одним-единственным исключением – Листопад никогда не служил в ведомстве брата и не получал от того приказов. Это крохотное дополнение к своей биографии, так же как семидневную визу или уровень дипломатической неприкосновенности, он создал сам. Разумеется, сделав так, чтобы новые данные совпадали с имеющимися у «барсов» досье.

Для этого, к сожалению, пришлось-таки воспользоваться преимуществом происхождения. Но член «Мидгарда» не имел прав на сомнения. Даже если противостояние отбрасывало старшего брата на другую сторону баррикады...

– Мне необходимо как можно скорее попасть на «Илью Муромца». – Теперь он позволил себе легкое давление на лейтенанта. – Мой секретарь запрашивал у вас скоростной вертолет, он готов?

– Да, безусловно. – Военный кивнул. – Мы произвели необходимые проверки, для вашего визита нет никаких преград. Если желаете, вылет может быть организован в течение получаса.

У Листопада отлегло от сердца. Фальшивки, разбросанные им по правительственной сети, не только не оказались разоблачены, но искренне убедили местных «барсов» в законности его визита. Не без понимания, кем является молодой чиновник, разумеется – слишком многие дела в России и Сибири делались именно так...

Он тепло, по-настоящему искренне улыбнулся младшему лейтенанту.

Одна из самых непростых и рискованных фаз операции Порфириона прошла успешно, и теперь ломщику лишь оставалось сесть в вертолет. Когда в Новосибирске опомнятся, чтобы остановить самозванца, он уже вступит на борт «Муромца».

– Моя поездка не будет долгосрочной. – Листопад почтительно склонил голову, всем видом прося военного об одолжении. – Я мог бы на какое-то время оставить здесь на хранение эту сумку?

Талантливые личности необычайно многогранны 15 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Простой карандаш с твердым грифелем кротко скользил по поверхности листа, оставляя за собой ровный, казавшийся чуть пыльным след. Останавливался ненадолго, почти не отрываясь от бумаги, а затем снова выписывал виражи и причудливые повороты. Карандаш словно отмечал грань, где из-под белоснежной пустоты вдруг проявлялась картина, до поры скрытая тонким льдом.

Буньип любил карандаши. Обыкновенные грифельные карандаши, один вид коробки которых заставлял сердце специалиста по деликатным поручениям учащенно биться. Их божественный, несравнимый ни с чем запах, хрупкость стержня, приятное тепло деревянной оправы в руке. Тепло настоящего дерева! Когда Буньип покупал новую упаковку, он не жалел денег на самые старинные и дорогие технологии. Можно было бы даже сказать – он любил их больше всего на свете. Если бы кроме карандашей австралиец вообще любил хоть что-то.

Буньип уважал честность карандаша. Тот никогда не соврет, в отличие от безвольной акварели или неестественно ярких масляных красок. Только карандаш покажет настоящую границу между рисунком и пустотой. Только карандаш может всего двумя штрихами ухватить самую суть предмета, человека или события, и это могущество не под силу ни мелкам, ни кисти.

Буньип считал себя похожим на карандаш и потому упивался его простотой. Зачем делить мир на миллиарды оттенков, когда все, совершенно *все*, при внимательном рассмотрении сводилось лишь к белоснежному цвету или его отсутствию – черному росчерку карандаша, выявляющему суть мироздания?..

Черно-белый мир прост и грациозен. Он не заставляет попусту терзаться и не оставляет в душе недожеванные полунамекы или блеклые тона. Точно так же, как действует карандаш, предпочитал действовать и сам Буньип – мысленным взором представлять основные линии будущего наброска, а затем резкими росчерками создавать в податливом пространстве свою цель. Ничего лишнего – только белая бумага и темные линии плана, воплощенного в жизнь.

Это не делало характер австралийца покладистым или компанейским, но он с легкостью обходился без жены и друзей. Особенности работы, которой Буньип зарабатывал на жизнь и беззаботную старость еще до Катаклизма, вообще не предполагали наличие близких знакомых или родни, а потому особенности «черно-белого» восприятия мира не казались неудобными. Ни ему, ни его заказчикам.

Точнее сказать, одному-единственному заказчику.

Человеку, через год после Катаклизма приметившему его незаурядные способности. Человеку, не просто предложившему разовый заказ, но обеспечившему регулярный пансион. Единственным условием нового спонсора была немедленная отставка австралийца из «официальных» структур dd, а также недопустимость приема заказов от посторонних клиентов.

Пересчитав поступившие авансом доллары на трудовни, Буньип остался вполне доволен, согласившись на заключение необычного контракта. Работой постоянный хозяин не перегружал, а задания его были настолько оригинальны и любопытны, что австралиец брался за них с неподдельным интересом...

Он поднял рисунок на уровень глаз. На белоснежном листе очень дорогой и качественной бумаги был грубо, без деталей, в самых общих чертах нарисован кот. Однако динамика животного, какие-то едва заметные черты его шаловливого характера и стремление прыг-

нуть вперед были настолько грамотно уловлены художником, что казалось – сейчас набросок оживет!

Довольно улыбнувшись, Буньип отложил рисунок в высокую стопку других, возвышающуюся на углу стола. Бережно зажал карандаш в пальцах, взял бритвенно-острый нож и принялся осторожно, чтобы не снять ни одной лишней стружки, очинять грифель, напоминая робкого резчика по красному дереву.

Буньип... Болотный демон, раздирающий ночь пронзительным воплем. Стоило признать, что необычному заказчику наемник был обязан не только цифрам на банковском счете, но и зловещим прозвищем. Окрестив нового работника именем злого духа из мифологии австралийских аборигенов, тот словно давал понять, что знает о нем значительно больше, чем можно найти в открытом сетевом доступе.

С тех пор – уже почти три года – Леон Брейгель пропал без вести, уступив свою монреальскую квартиру, воспоминания, фальшивую биографию, сбережения и даже тело существу по имени Буньип...

Он уже приготовился приступить к новому рисунку, как в «балалайке» раздался сигнал. Спутниковый коммуникатор, лежащий в холле его уютной квартирки, заливался трелями. Особенный коммуникатор, номер которого был известен единственному существу на всей умирающей планете.

Буньип встал из-за рабочего места, аккуратно откладывая остро заточенный карандаш на край чистого листа. Неспешно прошел в холл, подобрал со столика коробочку коммуникатора. Вместо того чтобы подключить его к «балалайке», вставил в специальный паз огромной стереопанели, занимавшей почти всю стену. Сунул в сканер листок с рисунком, только после этого ответив на вызов.

Экран заполнила фигура: немного нелепая, немного зловещая. Когда Брейгель впервые выступил в контакт с этим человеком, он был готов забавляться. Чуть поближе узнав мужчину, именовавшего себя Циклом, он избавился от неуместной иронии.

Шею, плечи и даже кисти появившегося на экране человека скрывала алая накидка, сшитая, казалось, из густой артериальной крови. Голову же, отменяя любую попытку узнать о собеседнике хоть что-то, обволакивала зеркальная наномаска, напоминавшая рыцарский шлем. Сейчас в ней не отражалось ничего, словно хозяин маски был способен управлять отражаемостью поверхности.

– Доброго дня, Буньип, – поздоровался Цикл бархатным голосом, почти не искаженным его личиной. – Как поживаешь?

– Здравствуй, Цикл, – незатейливо ответил наемник, подходя к бару. – С удовольствием, если тебе это интересно...

Он вынул из шкафа бутылку односолодового виски, простого и безумно дорогого, как и любимые карандаши. Щедро плеснул в широкий стакан. Глотнул и только после этого сел на диван сбоку от стереопанели.

По взаимной договоренности, Цикл не имел прямого видеоконтакта со своим работником, во время диалога рассматривая карандашный рисунок, изображающий торчащее из болота чудовище.

Этот набросок Буньип делал заново перед каждым очередным сеансом связи. Если в один не совсем прекрасный день хозяин насчитает в оскаленной пасти четыре, а не три языка, он уничтожит все следы, навсегда забыв о существовании верного специалиста...

– Чувствуешь себя героем? – не торопясь переходить к делу, поинтересовался Цикл.

В правом нижнем углу панели появилось окно крупного новостного канала, передающего сюжет о недавнем скандале на островах Британского Халифата.

«Напомним, что 14 августа на шеффилдскую резиденцию шейха Хамада бен Зайеда было совершено вооруженное нападение отряда радикально настроенных националистов, –

пробился в их диалог голос тележурналистки, ведущей репортаж со знакомой Медоу-Гейт-авеню, которую Буньип в последний раз видел с высоты полета. – По счастливому стечению обстоятельств сам шейх, да и впредь хранит его Аллах, в момент штурма находился в Эль-Париже, а нападавшим дали отпор его лучшие гвардейцы. Сегодня нам стали известны новые подробности этой трагедии. Из источника, пожелавшего остаться неизвестным, наш канал смог установить, что за покушением на Хамада бен Зайеда стоит молодая неонацистская группировка «За Европу без мусульманства», только в этом году взявшая на себя ответственность за два террористических акта и целый ряд покушений на видных деятелей исламского мира...».

– Говорят, ты убил семерых охранников?

Зеркальная голова Цикла заинтересованно склонилась набок, окно с телерепортажем свернулось в точку.

– Ты стал верить журналистам? А еще они говорят, что перестреляли дюжину националистов, – скупно улыбнулся Буньип. – Я отработал всего пятерых, и то один вполне мог остаться жив.

– Я так и думал... Кстати, друг мой, я еще не сказал тебе спасибо. Это была отличная работа! И главное, очень быстрая, без лишних затрат на длительную подготовку.

В пальцах Цикла, затянутых в красную кожу перчаток, что-то блеснуло. Присмотревшись, Леон без удивления разглядел скорпиона Сехмет, три дня назад отправленного хозяину экспресс-почтой.

– У меня есть новое поручение для тебя, – наконец перешел к сути разговора человек без лица.

– Так быстро? – спокойно поинтересовался Брейгель. – Новая вещичка?

Он уже привык, что его наниматель питает слабость к предметам старинных культов и Традиций. Новое задание, касающееся поиска старинной иконы или ацтекской маски не стало бы неожиданностью. Леон не имел ни малейшего представления, на кого работает стеклянный шлем, но предполагал, что тут не обошлось без интересов одной из новых трансконтинентальных корпораций. Однако ответ Цикла сумел удивить наемника:

– Не совсем. – Красная перчатка продолжала поглаживать египетское украшение. – Точнее говоря, не только. Конечно же, ты знаешь, что Китайская Народная Республика строит грандиозную железную дорогу к Станции корпорации «Науком». Воистину титанический проект, требующий огромных денег и человеческих ресурсов.

– Я смотрю новости.

– Тогда ты должен знать, что сейчас проект «Звездный Путь» прорубается через Саянские горы, приближаясь к Хакасии – юго-восточной провинции Сибирской Республики.

– Слышал и об этом.

– Скоро строительство доберется до Алтайских Саян, входящих в сферу моих интересов. – Цикл поправил накидку на плечах, отчего по маске прокатился алый блик. – Меня интересуют предметы культа алтайских колдунов. Я хочу, чтобы ты отправился в район разработок и постарался отыскать вещь, которую местные жители знают как бубен Усюги Ороон, или Врата Ульгения. Если не обнаружишь ни единого образца, попробуй узнать о судьбе иных подобных артефактов.

Буньип сделал новый глоток обжигающего виски.

Он не любил вино и пиво, с их «богатыми» оттенками и послевкусиями, в которых гурманы находили аромат августовского солнца или легкую свежесть хмеля. Как и во всем другом, Брейгель ценил в шотландском напитке честность вкуса и прямому эффекта.

– Как я понимаю, это еще не все?

– Не раз говорил, что мне приятно иметь с тобой дело, Буньип. – Леон мог поклясться, что человек под маской улыбнулся. – Да, это еще не все. Нам стало известно, что к про-

екту приковано повышенное внимание юной, но весьма дерзкой организации «Мидгард». Информация эта обрывочна и недостоверна. Я хочу, чтобы ты стал моими глазами на объекте поднебесников и выяснил, чего члены «Мидгарда» хотят от китайцев.

– Шпионаж, сбор данных и поиск одного предмета – я верно понимаю задание?

– Абсолютно точно. – Зеркальный шлем склонился вперед. – Все необходимые данные и аванс на подготовку к миссии уже отправлены на твои сетевые ресурсы.

– Каким временем я ограничен?

– Ты должен появиться на строительной площадке поднебесников в течение полутора недель. Тебе ведь хватит этого на разработку операции?

– Безусловно.

Человек в красном плаще величественно взмахнул рукой, точно зная, что Буньип сейчас внимательно наблюдает за его изображением. После этого связь прервалась.

Одним глотком допив виски, Леон поставил пустой стакан на подлокотник дивана, направляясь к компьютеру. Задумался, остановился.

Свернул в рабочий кабинет – просторный и светлый, в котором занимался рисованием.

Сначала он сделает еще пару набросков и только после этого ознакомится с файлами Цикла. Сделает несколько черно-белых рисунков, в точности отражающих характер непростой современной жизни.

Никому не убежать от собственной тени 14 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Пробиваться через громадный этаж было сложнее, чем миновать густые таежные буреломы.

Следуя за повелителем царящего вокруг делового бардака, Илья старался не отставать. Это было не так-то легко, даже несмотря на разницу в физической форме. Бесперывно извиняясь и стараясь не налетать на сотрудников, Вебер то и дело терялся в человеческих водоворотках, оттиравших его от коляски.

В который раз он поблагодарил судьбу, выбравшую для него *иной* путь – представить себя безвольным винтиком хитроумного офисного механизма Илья не мог совершенно. На матерых бандитов, лесных пионеров или «кротов» он смотрел менее затравленным взглядом, чем на офисный планктон, шныряющий мимо по этажу Министерства.

Человек, принимавший гостя в своем царстве, напротив, чувствовал себя рыбой в кристально чистой воде. Умело маневрируя в людских потоках на юркой инвалидной коляске, он так и норовил оторваться от Вебера, поглощенный валом работы.

Его блестящий бритый затылок, украшенный профессиональными татуировками, оставался последним путеводным маяком, по которому Илья находил дорогу между людскими спинами. Из «балалайки» инвалида свисал «психопривод» с разветвителем, к которому были одновременно подключены два коммуникатора, «раллер» и пяток других гаджетов.

– Нет, акценты расставлены не совсем верно... – Человек остановил коляску прямо посреди коридора, и поток сотрудников мгновенно разделился, обтекая ее. Возле шефа остались двое подчиненных, с которыми и общался влиятельный машинист. – Когда мы пишем о переделе влияния и возможной смене династии, стоит учитывать не только рост цен на ресурсы или драгоценные металлы. Я хочу, чтобы вы скорректировали сюжет...

Пальцы человека в инвалидном кресле опустились на клавиатуру «раллера», когда он принялся вносить правки в новостной блок.

– Выводите на передний план религиозное противостояние суннитов и шиитов. Приведите историческую справку, покажите процентку жителей королевства. Пусть зрителю станет очевидно, что волнения начались из-за бесчинств шиитской семьи шейха и его приближенных, а отнюдь не из-за хлеба или налогов...

Он на какое-то время замер, уставившись в пустоту, и Вебер догадался, что принимающий его человек просматривает препарированный сюжет на одном из глазных наноэкранов.

– В остальном порядок: перепишите подводку, добавьте справку и давайте в эфир. Что там еще? – Он повернулся к подошедшей девушке, принимая протянутый планшет. – Ага, вот и наша техника...

И вдруг спохватился, наконец-то вспомнив про гостя, завертел лысой головой.

Вебер, терпеливо подпирающий стену коридора, небрежно взмахнул рукой, привлекая его внимание. Человек в инвалидной коляске поманил, призывая следовать за собой, и продолжил движение. Симпатичная девушка в хиджабе, дожидавшаяся, пока министр просмотрит данные на планшете, засеменяла рядом.

Илья вздохнул, отлепился от стены и зашагал за ними.

Вебер вошел в здание республиканского Правительства больше часа назад, но до сих пор не успел перекинуться с высокопоставленным знакомым и парой слов. Минут двадцать,

конечно, ушло на досмотр и проверку в службе безопасности, но даже полчаса блуждания по этажу Министерства за коляской калечного – много.

Терпение сам выслал ему приглашение.

Открытый «балалайкой» файл, укол в сердце – на мгновение Илье показалось, что многоликий машинист научился читать его мысли и зовет, чтобы сорвать маски с самого сокровенного. Глупое, слабое сердце, вдруг возомнившее, что вернулись старые времена.

Затем Илья справился с собой, сухо ответив по Сети, что рассмотрит возможность визита в здание Правительства. С тех пор прошло меньше двух суток, после чего Эдуард повторил приглашение. Настойчиво и кротко дав понять, что мобиль заберет гостя в течение часа.

И вот он тут, пытается догнать коляску в переполненных людьми коридорах и съемочных площадках, а министр государственной информационной политики и компьютерной безопасности Республики Сибирь все так же остается неуловим...

– Я лично подготовлю все сюжеты на данную тему. – Человек, которого до событий на Станции Сеть знала исключительно под именем Терпение, поднял голову, натянуто улыбаясь помощнице. – Вы пока можете заниматься волнениями нацистов в Баварском султанате. И помните, Алена, я жду не обычный сюжет, я жду аналитическую программу с выводами и прогнозами.

– Конечно, Эдуард Анатольевич, будет сделано, приступлю прямо сейчас.

Она забрала планшет, дождавшись, пока шеф скопирует нужные данные на свой «раллер». Ушла быстро, но без суеты.

– Представляешь, сюжеты про столкновения белых нацистов с европейскими мусульманами приходится вставлять в каждый второй выпуск новостей. – Он обернулся к Веберу, будто подыскивая оправдание своей загруженности. – Кажется, кое-кто из потомков Верцингеторикса и Нибелунгов только после Инцидента осознал, кому сегодня принадлежит земля их отцов...

– Позвал меня, чтобы прочесть курс новейшей истории? – Илья подошел к инвалиду, с опаской поглядывая по сторонам – вот-вот, да набежит кто-то из помощников, снова отвлекая Терпение от разговора. – Ты ведь хорошо знаешь, что я не интересуюсь геополитикой.

– Да помню... – Министр отмахнулся, затем развернул коляску, направляя ее в тихое ответвление коридора. – Это я к тому, Илья, что любая информация должна подаваться дозированной, тщательно взвешенная на порции и с нужным количеством приправ. Так, чтобы не напугать союзников и вселить ужас в сердца врагов.

Потеребив нагрудный бэйдж с яркой надписью «Гость. Допуск уровня 2», Илья последовал за Эдуардом, даже не пытаясь помочь тому катить коляску. Жужжа аккумуляторами, чиновник свернул в новый коридор, и Вебер ускорил шаг. Теперь стало слышно, как шины умиротворенно и приятно шуршат по полированному бетонному полу.

В этой части этажа, полностью отведенного под Министерство информационной политики и безопасности, было почти безлюдно. Ни шумных студий с яркими софитами, ни монтажных цехов с суетливым персоналом. Кажется, Терпение наконец-то соизволил уединиться, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз...

– Вот, например, – продолжал разглагольствовать тот, направляя коляску еще глубже в лабиринты этажа, – заяви мы о том, что восстанавливаем нефтепроводы Ванкора, законсервированные еще во времена Нефтяного Голода. Новость-то какая! Жареная, сенсационная! Но ведь мы оба понимаем, что это сразу наводнит Республику шпионами, а небеса – разведывательными беспилотниками.

Он покосился на Вебера, равнодушно молчащего в ответ. Лихо притормозил у простенькой двери кабинета без вывесок.

– А вот о том, что на западные пограничные заставы БАРСа поступило полторы сотни новых танков и сорок боевых вертолетов, стоит трубить на весь мир. – Он взглянул в трубку сканера, позволяя считать с сетчатки электронный ключ. Дверь открылась с таинственным шипением. – Например, танки уже переименовали в «РГ» – Ростислав Гиляров. Внушает трепет? Вот увидишь, Илья, мы еще настоящий военный парад проведем! На День Независимости, например.

По-прежнему молча, Илья вошел в кабинет вслед за министром, которого он еще совсем недавно знал совсем не как министра. Вслед за человеком, обманувшим его, поставившим на грань гибели, но не предавшим, как того можно было ожидать.

– Ну, здравствуй, наконец-то, Леший! – Резко развернувшись на месте, Терпение расплылся в приятельской улыбке.

Как и ожидалось, комната была хорошо экранирована и не содержала ничего лишнего, даже окон – только пару удобных кресел, стол с набором для чая и кофе, низкий журнальный столик с пепельницей. Идеальное место для переговоров.

Не спеша отвечать на приветствие, Илья оглянулся на плотно закрывшуюся дверь. Вынул руки из карманов штанов, неспешно прошел вперед, опустился в кресло.

– И тебе не болеть, Колокольчик, – ответил он, прищуриваясь.

Эдуард, как и ожидалось, на это поморщился, с деланным раздражением отмахиваясь от гостя.

– Да ну тебя, Илья, сколько можно?

Какое-то время Вебер рассматривал его – худого, в мешковатом костюме и мятом галстук, парализованного ниже пояса, совсем не отвечающего звучному и могущественному чину министра. Решил, что старую распрю продолжать не станет, хоть и шевельнулись в душе глубинными рыбинами непрошенные воспоминания.

– Как там... в Тайге?

И ведь не хотел этого вопроса задавать, а вырвался, гад такой! Против воли вырвался, памятью подстегнутый. Чувствуя, что краснеет, Илья спешно закопал неловкий вопрос в шелухе лишних слов.

– Ну, я припоминаю... ее вроде в реестр республиканский включать собирались? Перепись проводить... посадника ставить...

Но Терпение заметил, прищурился.

– Не до Тайги сейчас, Илья. – Он выразительно покачал бритой головой, заставив Вебера порозоветь еще сильнее. – Перепись отложили до следующего лета, может, и дольше. Да и реестр подождет. Нормально там все, без перемен. А у нас поважнее дела появились, ты уж поверь...

– Да верю! – Илья был рад, что министр хочет увести разговор с неприятной темы. Потому следующий вопрос задавал с неподдельным любопытством: – Кстати, подслушал тут случайно... а на какие же такие шиши танки покупаем? Или скупаем у арабов то, что сто лет назад сами же и продавали?

– Нет-нет, что ты! – Эдуард натянуто улыбнулся, отмахиваясь пальцами.

Смущение, посетившее министра, когда гость вдруг вспомнил о полукриминальном поселении нефтеразведчиков, уступило место легкой деловой прохладой.

– Совсем новые машины идут, еще вчера с заводов «Наукома». Качество – высшее. А шиши, если тебе интересно, китайские. Если бы ты только знал, сколько поднебесники платят Республике в рамках договора «Звездный Путь»...

Он задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Взглянул на Илью искоса, будто раздумывая, не предложить ли чаю. И вдруг продолжил без вступлений, хоть и отводя глаза:

– Кстати, по этому поводу, можно считать, я тебя в гости и позвал. В курсе, что за проект?

Ну, вот и к сути подоברались... Глупое сердце Вебера екнуло еще раз, но он приказал волнению сгореть, вместо азарта вдруг ощутив раздражение на самого себя. Кивнул, хоть вышло и не очень убедительно. Чтобы хоть чем-то себя занять, отключил и вынул «балалайку», демонстрируя ее Эдуарду.

– Здесь это необязательно, – вежливо покивал в знак благодарности тот. – И так?

– Слышал, конечно, – пробурчал Илья, возвращая гаджет в затылок, но не включая. – Строят узкоглазые дорогу свою, горы ломают. Вроде до Анклава Москва хотят дотянуть, если верно все. Мы им что-то вроде коридора обеспечиваем. За деньги, разумеется. На которые потом танки и ракеты покупаем...

Чтобы скрыть эмоции, он встал, настраивая кофейный аппарат. Протянул пустую чашку в сторону министра, но тот помотал головой, отказываясь. Тогда Илья налил только себе, не стесняясь в крепости искусственного кофе.

– Почти все верно, но не совсем, – подал голос Терпение, когда гость перестал бренчать фарфоровой ложечкой. – Дорогу тянут не до Анклава, а до Станции. Насколько известно, по договоренности с «Наукомом», планируют начать отсюда колонизацию новых земель. Главное детище проекта – терраформирующая самоходная станция. Эдакая гигантская гусеничка, из подбрюшья которой тянется сверкающая ниточка новенькой железной дорожки.

– Здорово, – с легким сарказмом промычал Илья, все еще коря себя за излишнее волнение. Глотнул кофе, чуть не сморщившись от горечи. – Позвал меня, чтобы прочитать лекцию о промышленной мощи китайцев? Если вспомнишь, у меня с ними в последнее время отношения как-то не складывались...

– Терпение, друг мой, только терпение, – улыбнулся Эдуард, задвигая «раллер» в специальный паз за подлокотником и отключая клубок психоприводов.

Улыбка у машиниста, как успел отметить Илья, была какая-то вымученная, неестественная.

– А что ты слышал, Леший, про людей, называющих себя «Защитниками Геи»? В Сети они также именуют себя организацией «Мидгард». Это такие фанатики, убежденные, что человек не имеет права покидать Землю, чтобы не убить ее...

Он вдруг закашлялся, жестко и сухо, неожиданно напугав Вебера. Приступ длился недолго, но за это время на высоком лбу Эдуарда вздулись вены, а глаза налились кровью. Вынув из нагрудного кармана крохотный ингалятор, министр информационной безопасности глубоко вдохнул лекарство, после чего плечи машиниста безвольно опустились.

– Прости, никак бронхит не уймется, – неумело, но горячо соврал он, пряча ингалятор. – Так вот... На самом деле последователи Геи – обыкновенные террористы. Да, идеология их оригинальна и выросла на непростой почве, за появление которой мы должны быть благодарны каперам «Наукома». Но стратегия «Мидгарда» – стратегия террористов, и не стоит обольщаться громкими лозунгами. Мои аналитики пока не могут определить, кто стоит за этой новой силой, но обороты она набирает...

Вебер слушал внимательно, все еще не улавливая сути. Не для того Терпение притащил его на переговоры, чтобы рассказать про чудеса китайцев и посетовать на безумцев, помешанных на греческой мифологии. Однако связи он пока не видел, а потому молчал, прихлебывая горячий напиток.

– Ты же знаешь, как я отношусь к сектантам, – осторожно вставил Илья, поглядывая на министра поверх белоснежной чашки. – Почти как к геополитике.

– Да знаю... – Пальцы инвалида опять отбили дробь по подлокотнику. – И моя просьба о встрече – вовсе не желание рассказать тебе о «Мидгарде». У меня есть задание, Илья, но нет человека, способного выполнить порученное...

Наступила тишина, в которой, как Веберу казалось, стали слышны, оглушительные удары его неугомонного сердца. Он облизнул пересохшие губы, смягчить которые не помог даже кофейный напиток. Над дверью мерно отмеряли время старинные часы в деревянной оправе.

– Знаешь, Терпение... – негромко ответил он, чувствуя на лице внимательный взгляд высокопоставленного машиниста. – После крайней совместной операции у меня нет особенного желания снова работать на... на вашу структуру.

Он сразу вспомнил, как вернулся из Тайги.

Воспоминания были смешанными, наполовину радостными, наполовину тяжкими. Особенно хорошо мышцы помнили вес черного футляра с привязанной к нему гранатой, а остальное представлялось едва ли не декорациями.

Взрывать все же не пришлось. Терпение не только сдержал слово, что было вообще нехарактерно для этого проклятого мира, ухитрившегося выжить. Но и представил наемника самому Президенту Гилярову. Без фамилий, чинов или наград, но это было немалой честью, и Илья сумел взглянуть в глаза человеку, поднявшему Сибирь из руин. Сильному человеку, никогда не опускавшему рук, способному идти до конца.

Тот долго тряс кисть Вебера, велеречиво благодаря за спасение детей и успешное, насколько это оказалось возможным, решение весеннего инцидента на «Куэн Као». Однако желания и дальше работать на Эдуарда-Колокольчика у Ильи так и не появилось – уж очень это неприятно, когда тобой играют втемную...

Вероятно, Терпение ждал подобного ответа.

Кивнул, задумчиво потирая гладко выбритый подбородок.

– Видишь ли, Илья... Поручение, о котором я говорю, не имеет прямого отношения к Ростиславу Михайловичу Гилярову. И к Правительству оно отношения не имеет. А вот к судьбе Сибири, возможно. Моя просьба, Леший, весьма *личного* характера, но если ты откажешь, последствия могут оказаться...

Он замолчал точно в нужном месте, подогревая драматизм ситуации, но Вебер лишь скривил губу. Умом понимал – откажись, Ильюша, похвали выпитый кофе и «экскурсию» по Министерству, и уходи. Немедленно.

Но сердце продолжало нашептывать, и сил не оставалось даже встать из кресла. Сердце уговаривало хотя бы выслушать бывшую «напарницу» ломщика. Ведь позволив Терпению высказаться, он ничем не будет ему обязан...

– О чем ты говоришь? – наконец спросил Илья, проклиная себя за малодушие.

Пожалуй, сегодня он снова пойдет в «Три пескаря». Выпьет, постаравшись утопить в вине то, что инвалид вообще вспомнил о существовании наемника...

– В секту «Защитников Геи» угодил мой младший брат, – тихо ответил Эдуард, глядя куда-то в противоположную стену с незамысловатой картинкой. – Талантливый машинист, еще более талантливый ломщик. Пожалуй, у него есть все шансы превзойти меня... Были шансы, пока не *тряхнуло*.

Он задумался, разглядывая осенний пейзаж, перенесенный на грубый синтетический холст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.